

Евгения Морозова

Евгения Морозова

**Варварино счастье. Том
III. Из завтра – во вчера...**

«Издательские решения»

Морозова Е.

Варварино счастье. Том III. Из завтра – во вчера... /
Е. Морозова — «Издательские решения»,

Варвара пережила 20-летнюю разлуку с сыном, пропавшим без вести в первом самостоятельном заграничном плавании. Она не теряла надежды, свято верила, что ее сын жив. Только Вера, Надежда и Любовь помогли пережить ей разлуку. Необыкновенно сильная связь была у Варвары с ее сыном Артуром. Как-то она рассказывала сыну об одной из своих прошлых жизней. И вдруг он начал добавлять детали. Оказывается, Артур был ее сыном в далекой жизни, восемь веков назад. Все это нашло подтверждение в реальной жизни.

Содержание

От автора	6
Рецензии	8
Глава 1. Жизнь прекрасна...	11
Глава 2. Ожидание невесты...	17
Глава 3. Ожидание матери...	20
Глава 4. Любовь во все века сильнее всего на свете...	25
Глава 5. Новая война с крестоносцами	28
Глава 6. Всевышний дает события, а мы обязаны их принять...	35
Глава 7. Война продолжается...	39
Глава 8. Сынок, отзовись!...	44
Глава 9. Счастье мирных дней	49
Глава 10. Неужели такое возможно?!...	54
Глава 11. Вито – живой и невредимый!...	57
Глава 12. Приключения Вито	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Варварино счастье
Том III. Из завтра – во вчера...
Евгения Морозова

Будет солнце завтра для тебя, если будешь ты...

© Евгения Морозова, 2016

© Любовь Третюк, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мои дорогие и уважаемые читатели! Эта книга написана для вас.

Мой статус-пенсионерка уже более двадцати лет. Теперь появился еще один статус-начинающая писательница.

Мой возраст – 72 года, и он как раз и подразумевает максимальную занятость творчеством. Дети взрослые, у них своя самостоятельная жизнь. Помощь мамы им уже не требуется.

Прожитые годы – это копилка жизненного опыта, который я просто обязана передавать младшему поколению.

Судьба моя во многом похожа на судьбы моих сверстников, родившихся во время Великой Отечественной войны. Но среди нас были и «счастливики», которые не потеряли своих родителей в огненном котле войны. А я осталась полной сиротой в возрасте двух лет.

Мои корни из алтайского села с необычным названием – Лосиха. За три года до войны моя мама ушла в город Сталинск пешком... Было ей в тот момент 14 лет, она была рослой крепкой девушкой. Поэтому ей удалось устроиться в ФЗО (фабрично-заводское обучение) и получить работу на металлургическом комбинате. Ей так хотелось учиться! Она даже сдавала кровь, чтобы как-то свести концы с концами, потому что ее мама жила в деревне и мало чем могла помочь дочке.

Разразилась Великая Отечественная война. Моя мама тут же пошла на курсы медсестер. Перед самой отправкой их группы на фронт случилась ужасная диверсия на металлургическом комбинате: обед в столовой комбината оказался смертельным более чем для полутора тысяч человек.

Моя мама выжила, но жизнь ее оказалась недолгой. Она умерла в свои двадцать четыре года, уже после войны. Вскоре умер мой отец. Диагноз их смерти был одинаков – язва желудка, в результате я осталась сиротой в возрасте двух лет. Родителей заменила моя бабушка. Росла я здоровым и жизнерадостным ребенком. Хотя завидовала всем детям, у которых были и папа, и мама...

Жизнь моя не была праздником. Было много горя и потрясений. Но сибирские корни, крепкие сибирские гены помогали пережить все, что выпало на мою жизнь.

Так сложилось, что из-за слабого здоровья нашего малыша мы неоднократно меняли регионы проживания. И вот уже совсем недавно мы с мужем выбрали место под солнцем – олимпийский Сочи. Нас привлекли не столько величественные олимпийские объекты, сколько мощная энергетика этих мест. На дне Черного моря находятся затопленные античные города, волны выносят на берег совершенно необыкновенные камни с рисунками... Живописные горы, покрытые густым непроходимым лесом, богатая история этих мест... Хотелось бы знать, какие люди смотрели на эти же горы пятьсот или тысячу лет назад...

В период перестройки невозможно было расслабиться. Надо было выживать в сложных экономических условиях. И только с выходом на пенсию я почувствовала полную свободу выбора занятий по душе.

Я увлеклась астрологией, хиромантией и другими интересными вещами. Начала рисовать, писать стихи. Иногда я слышала мужской голос, который обращал мое внимание на события, которые как в калейдоскопе мелькали перед моим мысленным взором. И тут же появлялись слова, которые складывались в четверостишия. Потом появились рассказы в прозе.

Я с огромным интересом училась в разных эзотерических школах. Мой учитель – умный и сильный экстрасенс в медитациях учил нас вхождению в прошлые жизни, учил работе с шаром Каллиостро и многим другим интересным вещам. Мне оказалась близкой техника вхождения в прошлые жизни через священное пространство сердца.

Когда я вспоминала об этой медитации, откуда-то появлялись детали, эпизоды, судьбы близких мне там людей. В той жизни я оказалась женщиной по имени Яффа, а встречала я сына-Аллана.. Эти события происходили в двенадцатом веке..в городе Акра, который сейчас называется Акко и находится на севере Израиля. Далее действие происходит уже в Италии, в Испании, Франции и современной Англии.

В результате свет увидела книга «Из завтра-во вчера...», в которой события не претендуют на повесть. Это фантастический роман.

Тема реинкарнации человеческой души меня волнует всю жизнь. Есть над чем подумать, сделать выводы о кармических событиях, о добром отношении ко всем людям, о вечной жизни души. Тело – бренно, а душа – вечна. Она в процессе многих жизней совершенствуется и выходит на уровень Творца, чтобы, в конце концов, находиться в высшем измерении, рядом с Творцом.

Дорогие мои читатели! Я заранее благодарна вам за внимание к моим мыслям, к моим героям.

Желаю вам всего самого доброго прекрасного!

Рецензии

Евгения Морозова – удивительная женщина, настоящий друг, светлый человек.

Родилась в Сибири, рано осталась без родителей. Работала финансистом, но ушла из мира цифр. Пишет стихи, рисует, замечательный астролог, работает с натуральными камнями и минералами, делает украшения и талисманы и... пишет книги.

Истории переплетаются, события разворачиваются начиная с 12 века, вместе с героями книги мы совершаем путешествия из жизни в жизнь, из века в век, вплоть до наших дней. Сюжеты связаны между собой, нанизываются один на другой как бусы в ожерелье. Случаются совершенно непредсказуемые вещи, порой страшные и загадочные. Предательство, воровство, пираты, инквизиция...

Но через все истории проходит лейтмотивом, что в любых обстоятельствах нужно уметь оставаться человеком. В этих историях живет особый мир, его герои становятся тебе родными. Ты переживаешь и радуешься вместе с ними.

Это сильные и благородные люди, в них живет чувство взаимопомощи. Даже в самых тяжелых обстоятельствах они проявляют стойкость и мужество, помогают тем, кто слабее, поддерживают, проявляют чуткость.

В трилогии живет природа добра и зла. Понимание, как прийти к счастью и свету. Ни деньги, ни власть сами по себе не приносят счастья. Самая большая ценность – это тепло человеческих отношений.

Человеческая душа путешествует во времени, на протяжении многих веков и тысячелетий, изменяясь, совершенствуясь и набирая свой опыт.

Давайте войдем в этот мир вместе с автором, и она проведет нас дорогой перемен и чудесных перевоплощений к светлому восприятию чуда под названием Жизнь.

Абрамова Нина, Тель-Авив

Евгения Морозова – автор книги «Из завтра – во вчера...» – не профессиональная писательница. Всю жизнь она работала финансистом. Однако в жизни все течет, все изменяется.

Я знаю Евгению уже двенадцать лет. И каждый раз она меня удивляет... Я видела развитие некоторых ее хобби. Я с удовольствием наблюдала, как она создает эксклюзивные украшения из натуральных камней, рисует, пишет стихи. Евгения в медитациях видела несколько своих прошлых жизней и рассказывала мне об этом.

Но со временем у нее появилось желание обобщить увиденное в медитациях и ... появилась эта книга.

Эта удивительная история написана не случайно. Кому-то она может показаться невероятной, а для других она будет выглядеть очень даже реальной. В хитросплетении жизни случайностей не бывает.

Вот и герои этой книги родились в разных уголках нашей планеты, проживали свои жизни, радовались, грустили. На каком-то отрезке жизни пути их сошлись. Притяжение к друг другу было мгновенным. Их отношения могли быть любыми: дружба, любовь, родительские отношения... Но все отношения были искренними и крепкими. Они знали, что эта связь не прервется никогда. Тогда они и не могли догадываться, что эта связь была любовью их душ друг к другу, а точнее память того, что называется духовная семья. Наивысшее чувство безусловной любви!

Только когда Варвара в силу жизненных обстоятельств начала вспоминать фрагменты, а потом и целые отрезки из предыдущих воплощений, все встало на свои места.

Они шли из жизни в жизнь вместе и всегда несли это пламя духовной любви к друг другу.

Эту любовь не разрушат никакие испытания.

Тело бrenно, а жизнь души – вечна.

Ия Манка-Сафронова, г. Лондон

Глава 1. Жизнь прекрасна...

Светило яркое солнце, весна принесла на крыльях лебедей. И они, как уже много лет подряд, прилетели, опустились на озеро в центре усадьбы сэра Эндрю Аккинсона. Все, кто был в этот замечательный весенний день дома, услышали радостные крики лебединой стаи, которыми они возвестили о своем прибытии. Стая оказалась более многочисленной, чем в прошлый год. Видимо, молодняк уцелел и теперь лебеди понимали, что они прибыли домой, радовались и с удовольствием купались в воде, а дети сразу побежали к бабушке Елене Ивановне за кусочками хлеба для птиц.

Птицы не боялись людей, здесь никогда никто бы не обидел ни единую птицу. Лебеди горделиво выгибали свои прекрасные длинные шейки, подплывали к берегу, а дети им в воду бросали кусочки хлеба.

Усадьба Аккинсонов значительно разрослась, тут уже было около десятка домиков, каждый был окружен вьющимися розами. Деревья достаточно вытянулись и окружали каждый домик красивой рощицей. Было обилие цветов, беседки были деревянными, легкими, светлыми. Ведь каждый новый домик вырастал на усадьбе тогда, когда появлялись новые члены большой семьи. Здесь все были родными. Кто по крови, кто по духу...

А детишкам было тут особенно весело, да и безопасно, что тоже немаловажно, так как усадьба строго охранялась. Они могли появиться в любом доме на усадьбе и везде их встречали с любовью.

Сам сэр Эндрю и его взрослые сыновья прошли суровые испытания, которые им помогла преодолеть любовь. Его личная жизнь была полной радостей и удовольствий. Елена Ивановна называла его то на английский манер – Эндрю, то на русский – Андриюша. И он на все свои имена откликался одинаково радостно. Внуки подрастали, а тут Катюша родила еще маленького Степана. В России у Елены Ивановны остался брат Степан, она, конечно, скучала по нему и попросила назвать внука в честь своего братца. Так и появился в семье Чарльза и Катюши третий сынок Степка, а если на английский манер, так просто мистер Степ.

Прошло уже полгода после двойной свадьбы сэра Эндрю с Еленой Ивановной и Андреа с Аечкой. Колобок-Аечка была в буквальном смысле колобком. Видимо, дети родятся крупными. Она уже передвигалась аккуратно, и Андреа все время был в Лондоне. Все командировки были поручены сотрудникам.

Варвара с мужем после свадьбы сына буквально на парусах полетели в Россию, чтобы вскоре вернуться в Лондон. Андреа уже оформил им въездные визы.

Они так спешили вернуться к детям до рождения малышей, что просто предложили своей соседке Наталье Ивановне поселиться в их доме и жить спокойно и в удовольствии. Дочка Натальи Ивановны жила со своим мужем и двумя детками вместе с мамой. Вот и случай подвернулся, что бабушка будет жить рядом, а все-таки самостоятельно, и внуки будут прыгать через заборчик и напрямиком к бабушке на пироги. Так что все складывалось удачно. Не прошло и трех недель, как Андреа уже встречал своих родителей в аэропорту.

Те родители, которые никогда не разлучались со своими детьми надолго, возможно, и не поняли бы трепетных чувств Варвары и Александра к своим сыновьям. А особенно к младшему. Старший их Андрей всегда на связи, буквально каждый день раздается звонок и вопрос:

– Дорогие мои родители, как вы живы и здоровы?

А с Артуром... Полжизни страданий и тоски. И Господь подарил им радость в зрелом возрасте. Нет... Никуда ни шагу, только чтобы сын и его семья всегда были у них перед глазами.

Александр ни дня не мог быть без работы. Он стал добровольным садовником и «директором усадьбы». Каждое деревце и цветочки знали его ласковые прикосновения. Все тропинки сияли цветной мозаикой, выложенной его руками.

А Варвара... Не рисовала, не писала стихов и прозы... Она была в счастливой прострации, расслабление было таким сильным, что она уже стала опасаться, все ли с ней в порядке. С ее-то деятельной натурой проводить дни в бездельи... Не похоже. Но Андреа рассеял все ее сомнения. Тот длительный стресс, длившийся двадцать лет, не мог исчезнуть из души за месяц. Требовалось время... Да, скоро покой закончится. Два новых человечка напомнят о себе как положено...

– Да, сынок, ты прав! Все идет своим чередом! Спасибо тебе за заботу о старикашках.

– Ну, маменька, где ты тут увидела старикашек?! Это раньше я тебе говорил, что ты ленивая и тучная женщина, не желающая заниматься спортом, а теперь ты в прекрасной форме, еще и спортом начала заниматься. Так что... радуется вы меня с батей! Даже своим присутствием радуете!

И он обнимал мать за плечи. Эх... сколько лет она ждала его прикосновения и не теряла надежды! Ежечасно она благодарила Бога за добро, проявленное к их семье. Все живы и здоровы и ожидают близнецов... Вот где истинное счастье! В детях, и в продолжении рода!

Варвара много времени проводила с Аечкой, им было хорошо вместе, их общение всегда было как у матери с дочкой. А сейчас и тем более... Они уже купили всё, что необходимо для малышей, обустроили их спальни. А малыши успевали только толкать друг друга и толкать маму...

В беседе рядом с домом Андреа Варвара расположилась в плетеном кресле, рядышком ее Александр облагораживал цветочки, настроение было просто отличным. Вдруг из дома раздался голос Аечки:

– Мама, кажется начинается... Ой, мне плохо! Надо позвонить Андреа!

Всё! Начинаются роды. Все уже обговорено, куда звонить, куда ехать. Для Аечки готова отдельная комната. Андреа примчался в госпиталь «Святой Елены», где уже под контролем врачей начались роды. Варвара с Александром сидели в коридорчике перед палатой, там были слышны громкие команды врачей и стоны роженицы. Из палаты в коридор выскочил Андреа. Он был ужасно взволнован. Глаза в поллица... Он спросил мать:

– Мам, а ты тоже так трудно меня рожала? Это так ужасно!

– Сынок, вот в таких муках рождаются дети. Имей мужество! Иди, будь рядом с женой, держи ее за руку, ей так будет легче.

И Андреа снова скрылся в палате. На счастье всей семьи мучения подошли к концу.

Первый ребенок закричал так громко, что Варвара готова была залететь в палату и быть там до окончания родов. Но присутствовать разрешено было только Андреа.

Новоиспеченный папа выглянул и сказал только одно слово: Дочка! – И исчез снова.

Второй малыш оповестил всех волнующихся громким басовитым плачем. И снова Андреа на секунду выглянув из палаты, сказал:

– Сын!

Поднял большой палец вверх, что означало верх счастья и радости и побежал в палату.

Вскоре вышел врач и сказал бабушке с дедушкой:

– Все у нас отлично! Дети здоровые и их мамочка в полном порядке! Вы можете теперь спокойно ехать домой. Отец остается со своей семьей.

Врач отодвинул белые жалюзи, и Варвара с мужем увидели палату, где Аечка лежала на своей кровати, в углу стояли две кровати, уже не пустые. Малыши лежали как и положено, одетые, в красивые кофточки и ползуночки. Андреа попросил доктора показать малышей через стекло дедушке с бабушкой. Сам-то он еще боялся даже прикоснуться к малышам.

Это Варвара понимала. Опыта у сына не было. Детки были очень похожи на маленького Артурчика. Варвара прослезилась. Муж ее тоже тайком вытирал слезы на глазах.

Теперь можно было спокойно отправляться домой.

Так началась новая жизнь семейства Андреа и Аечки Коста. Их детки Ульяна и Артурчик росли под присмотром самых родных для них людей. Теперь уже Александр забыл о своем цветочном хобби. Все его внимание было отдано внукам. Дедушка с бабушкой гулять вывозили деток в двух отдельных колясках, у каждого свой малыш. А счастья сколько!...

Аечка расцвела, она стала еще более женственной. Ее муж не мог нарадоваться своему счастью. Наконец, он собрал всю свою семью вместе. Двадцать лет испытаний и разлуки с родителями сделали его строгим и мужественным. Но это лишь внешне. А наедине со своими близкими он так и оставался милым, чутким и добрым человеком. Правда, чувство юмора никогда не покидало его. Как это было в детстве. Он скажет какую-то шутку, все дома хохочут, а он спокойно смотрит, когда все насмеются вдоволь и с невозмутимым видом продолжает шутить дальше. Так и сейчас. В доме Андреа атмосфера любви и радости сохранялась, все шло от души и с любовью.

Варвара сама себе удивлялась. На нее напала жажда деятельности. Она начала писать книгу. Ей было что сказать людям. Богатый собственный жизненный опыт дал ей материала не на одну книгу. Да и сотни судеб людей, которые к ней обращались за советом и помощью, позволяли составить сюжет, как будто закрученный опытными писателями. Но она только начинала.

После случившейся трагедии с исчезновением судна Варвара начала общаться с душами людей, ушедших в мир иной. Правда, информация поступала очень реальная. Жесты умерших родственников, их привычки, манера говорить и то, что они сообщали своим живым родственникам, подтверждалось. Это подтверждали люди, которые просили Варвару поговорить с умершими родными.

Потом интерес к этому увял, и Варвара прекратила входить в мир умерших без особой надобности.

Но появился большой интерес к вхождению в прошлые жизни людей. Это чаще всего происходило спонтанно. Рассматривая астрологическую карту незнакомого человека, именно в этот момент ей открывалась его прошлая жизнь, кем он был, в какое время жил, иногда со многими подробностями. Это была информация, которую почти невозможно проверить, но часто люди рассказывали, что они это тоже чувствовали.

Андреа использовал каждую свою свободную минутку, чтобы побыть со своей семьей. В беседке проводили часами. Детишки спали мирно в колясках, а Андреа с огромным интересом расспрашивал мать. Он просил в подробностях рассказать о том, какие были ее прошлые жизни, кто там еще был из их семьи, или друзей. Как она погружалась в свои прошлые жизни. Был ли опыт прошлых жизней полезным для нее в данной жизни. Вопросов были сотни, они выдавались как из списка, заранее заготовленного Андреа, чтобы услышать ответ от мамы.

Эти темы были интересны не только Андреа, в беседке собиралась вся семья. Здесь были все четверо взрослых, а также Уленька и Артурчик.

В один из таких дней Андреа подкинул матери интересный вопрос. Входила ли она когда-либо в свои прошлые жизни через священное пространство сердца.

Варвара посмотрела на сына задумчивым взглядом, помолчала какое-то время, а потом произнесла:

– Да, сынок, входила.

– Расскажи, пожалуйста, мам!

– Во-первых, вхождение в другую жизнь через священное пространство сердца – самый гармоничный вариант. Ты оказываешься настолько реально в другой эпохе, среди

незнакомых людей. Но нет страха. Ты как будто там начинаешь жить вместе с теми, кто там уже присутствовал. Все воспринимается очень естественно...

– Мам! В подробностях можешь рассказать?

– Сын, там я прожила долгую и счастливую жизнь. Но не все там было весело и радостно. Войны... Я там умерла на руках собственного сына.

Андреа был взволнован как никогда. Он наклонился к матери, взял ее за руку и попросил:

– Пожалуйста, мам, расскажи!

– Хорошо, хотя трудно вспоминать. Правда, и счастья я познала там много. Я об этой жизни много думала. И увидела ее, находясь в разлуке с тобой. Я тогда вообще начала заниматься прошлыми жизнями. Всё искала ответ, для чего нам с отцом такое испытание пришло, разлука с любимым сыном.

– Что там было, расскажи!

– Итак, сынок, в медитации вхождение в священное пространство сердца проходит красиво. Впечатление, как будто для меня отворили окно, и я смотрю из комнаты на улицу. Передо мной морской порт. На причале стоит небольшое парусное судно. Осмотревшись вокруг, я поняла, что это – не сегодняшний день.

Строения все одноэтажные, с плоскими крышами, все каменные. Никаким современным дизайном и не пахнет.

Я увидела женщину, одетую в светлые легкие развевающиеся одежды, в сандалиях. Она была немолода, не моложе пятидесяти лет.

– Мам, а как ты поняла, что это ты?

– Я не была уверена, что увидела себя. Но как будто гид меня сопровождал в этом путешествии. Мне кто-то коротко сказал: это – ты. Как бы показал мне меня.

– И как ты потом с ней разговаривала, с этой женщиной?

– Меня, Андреа, этому учил мой учитель. Техника такая. Я мысленно соединяюсь с этой женщиной и смотрю ее глазами и вижу то, что видит она. Чувствую ее мысли и понимаю, что она думает и что делает. Одним словом, происходит полное соединение и отождествление двух людей: меня и той женщины, которую я увидела.

После того, как я соединила свое астральное зрение и слух с ее зрением и слухом, я тут же почувствовала сильное волнение и предвкушение радости встречи с сыном. Я спросила, как ее (а по сути, и мое) имя. Она ответила – Яффа.

Еврейское имя? Ее ответ был с юмором. Не только имя, но и место принадлежит иудеям. Это древняя Палестина. И этот порт в Средиземном море называется Акра.

– Ничего себе, мамочка! Вон ты где успела пожить! На территории современного Израиля. И что дальше было?

Варвара заметила, что Андреа очень волновался, глаза его блестели, его руки беспрестанно двигались, он потирал одной рукой другую. Но ничего не говорил, только глазами торопил мать с продолжением рассказа.

– Я так спешила в порт, и дорога была как раз с небольшим уклоном под горку. Я спешила встретить своего сына, пришедшего на паруснике. Но парусник уже был на причале. И я во все глаза смотрела вперед, искала сыночка.

– Нашла?

– Еще как нашла! Он перепрыгнул через борт и выскочил на пирс! Мы так наскучались, не виделись долго.

Андреа смотрел как бы на мать, но она почувствовала, что он очень далеко сейчас от этой беседки и даже от своих родителей, жены и детей.

Варвара помахала рукой перед его глазами, напоминая ему о том, чтобы он вернулся в здесь и сейчас.

Сын ее посмотрел так внимательно матери в глаза и сказал:

– А где же был Хадас, что не пошел вместе с женой встречать сына?

Варвара автоматически ответила:

– Он был занят в магазине и ждал нас там. К тому же грузы с парусника должны были перевезти в склад и ему нужно было принять всё.

И только произнеся всю фразу до конца, поняла глубинный смысл его вопроса. Он назвал имя Хадас. А ведь человек с именем Хадас был ее мужем там, в Палестине.

У Варвары округлились глаза, она не могла сказать ни единого слова. Андреа засмеялся.

– А я думал, вы будете встречать меня вместе с Леей!

– Сын! Неужели ты тоже помнишь эту жизнь? Я понимала всегда, что мой сын...

Андреа продолжил ее фразу:

– ...Аллан похож на меня сегодняшнего!

Варвара, потрясенная, ответила:

– Да!

У всех присутствующих, то есть у Александра и Аечки, был изумленный и растерянный вид. Рты открыли и не могут закрыть... Только близнецы безмятежно спали, посапывая в своих просторных колясочках...

Аечка спросила Андреа:

– Ты там был Аллан? А кто такая Лея?

– Моя невеста, на которой я потом женился.

И обратившись теперь к Варваре, произнес:

– Я эту свою увидел на пиратском острове. И только ты начала рассказывать, я понял моментально, что мамой моей ты была, именно ты. Хотя ты в этой жизни совершенно другая. А если присмотреться, так есть и сходство...

– Андреа, обещай нам рассказать, как ты начал видеть свою прошлую жизнь.

– Конечно, расскажу! Видимо, длительная изоляция на пиратской базе, стресс, да и все испытания, которые мы пережили на острове, как-то раскрыли канал связи моей души с прошлыми жизнями. И я как будто сон или кино смотрел, хотя я ведь не спал. Но самое интересное, мама, что я разговаривал с тем парнем, которого звали Аллан. Мы говорили как два самостоятельных отдельных человека, а на самом деле это моя душа разговаривала сама с собой, просто мне таким образом моя душа показала, что со мной происходило в разное время.

– Выходит так, сынок, – отозвалась Варвара вполголоса.

– Мама, ты продолжай рассказ, а мне интересно, что из этого я знаю тоже. Невероятно! Это вообще нормально, мама? Может, с нами что-то происходит непонятное?!

– Нет! С нами все в порядке. Это стрессовые ситуации открывают канал видения.

Так вот, эти события в Палестине происходили где-то в 12 или 13 веке. Постоянные войны.

– Мамочка, ты моя! Выходит, мы с тобой давно знакомы! Вот почему у меня такое ощущение, что я не оторван от тебя, и такое сильное восприятие. Я чувствую твою радость и боль...

Теперь уже члены семейства Аечка и Александр приступили с расспросами к Варваре и Андреа. Где такое было видано, что они помнят то, что было девять веков назад... Фантастика!...

Вечер «воспоминаний» закончился глубокой ночью. Да, там было столько информации, что хватило бы рассказов на месяц, но Андреа надо было утром быть на важных переговорах, а он еще не подготовил документы. Ночь не придется спать вообще. А «старички» так и не заснули в эту ночь.

Аечка долго хлопотала возле малышей, Варвара, как всегда, старалась помочь и дать возможность отдохнуть молодой мамочке. С двумя малышами одной трудно справляться. Аечка была потрясена «воспоминаниями» своих родных людей. Вон что они, оказывается, уже пережили в далекой Палестине, и это было очень давно.

Мир и границы совершенно поменялись. Но те события и для самой Аечки оказались как будто не новыми. Она слушала Варвару и Андреа и смотрела их глазами. Было очень интересно... Ее поразил рассказ Андреа о своей невесте, какая чистая и нежная была их любовь. И она даже как будто с ревностью подумала, что у Андреа была когда-то, почти девятьсот лет назад, еще одна, очень сильная любовь к женщине. К другой женщине... А она хотела быть единоличной хозяйкой его души.

Глава 2. Ожидание невесты...

Море было совершенно спокойным. Его бескрайняя синь завораживала своей красотой. Печально было только от одной мысли, что оно пустынно...

А Лея ждала и мечтала увидеть на горизонте парус, тот единственный и самый родной в мире парус, который приближает к ней радостный момент встречи с любимым.

Лея из-под руки неотрывно смотрела на горизонт. Она с восходом солнца поднялась на крышу дома, откуда был прекрасный вид на море. Никакая сила не заставила бы девушку спуститься с крыши в дом. Она обязательно должна находиться на крыше своего дома, чтобы первой увидеть долгожданный парусник. Девичье сердечко билось так сильно, волнение нарастало.

Сегодня наступил первый день месяца ава. С сегодняшнего дня она имеет полное основание всматриваться в линию горизонта, потому что ее любимый Аллан уходя в дальнее плавание полгода назад сказал ей:

– Леюш, я вернусь в месяце ава. Ты не волнуйся, я вернусь живым и здоровым!

Он стоял рядом с ней, такой красивый и родной, и смотрел на нее своими карими бархатными глазами, что душа у Леи таяла, она приникла головой к его груди и тихо всхлипнула. Это как тихий вздох, сквозь слезы. Аллан и сам хотел бы всхлипнуть также, но не мог он себе позволить такое проявление чувств. Он ведь мужчина. И ему было у кого поучиться твердости духа. Отец, увидев, как его взрослый сын Аллан обнимает девушку и всхлипывает как девчонка, наверняка, весело бы засмеялся...

И хотя отец был в этот момент далеко, увидеть слезы сына не смог бы, тем не менее Аллан держался мужественно. Он только еще более бережно, но крепко обнимал свою Лею, наклонился к ней, и нежно прошептал:

– Леюш, если бы ты знала, как я люблю тебя, я не представляю даже одного дня без тебя, а мне предстоит находиться далеко целых полгода... Я тоже буду страдать в разлуке. Лея подняла на любимого свои прекрасные черные, блестящие от слез, глаза и сквозь слезы сказала:

– Вот так я и запомню, как ласково ты меня называешь: Леюш! Так меня и дома называют, особенно когда хотят за что-нибудь похвалить. Но твой голос... Я буду всегда слышать его, я буду ждать тебя каждую минуту...

– Моя хорошая, мы же с тобой договорились, что когда я вернусь, я приду к твоим родителям просить твоей руки. И мы немедленно поженимся. Я и сам не могу больше ждать. Это будет последняя моя поездка. Дальше будут сопровождать грузы мои люди. А мне и на берегу будет достаточно дел.

Они стояли обнявшись под старой оливой, возраст которой никто не знал. По крайней мере, лет триста дерево стоит и еще отлично плодоносит. О! Эта пушистая олива многое слышала на своем веку... Здесь объяснялись её пра-прадедушки, и находили свое счастье в этом старинном доме, который был ровесником оливы. Его построил предок Леи – Авигдор, известный человек. Он же и оливу посадил. Для евреев это дерево означало символ счастья. Даже спустя несколько веков его имя передают из уст в уста, какие заслуги у него перед евреями.

Вот под ветвями этого дерева и происходило расставание... Солнце уже ушло за горизонт, был прекрасный тихий вечер. Хотя была осень, но дожди еще не посетили эти жаркие края. Поэтому вечер прощания был особенно романтичным. Запах цветов и цветущих деревьев распространялся на все поселение. Аллану нужно было уже быть дома, поскольку на рассвете их судно отправлялось в далекий путь. Но сил не было оторваться от любимой Леи. Какой нежный тропический цветок – его любимая Лея. И он ласково гладил девушку

по кудрявым густым волосам, перебирал каждую прядку, каждый локон ему казался верхом совершенства.

Лея вдруг освободилась от крепких объятий Аллана и убежала вглубь садика. Через минуту она уже вернулась и держала в руке цветок. Это были мелкие соцветия нежно-голубого цвета на тонком стебельке.

– Аллан, это цветок полевой горчицы. Он цветет все лето, несмотря на жару и недостаток воды. Мужественный цветок. Вот посмотри, мы с ним похожи. Я также мужественно буду ожидать тебя из-за моря. Я даже постараюсь не плакать!

Однако, ее обещание не плакать было ею в ту же секунду и нарушено. Девушка горько расплакалась. Аллан успокаивал как мог свою любимую. Но ...он также понимал, что долгие проводы – лишние слезы. Поэтому долгий поцелуй Аллана высушил слезы Леи, они шептались друг другу последние ласковые слова и обещания... Аллан, с трудом оторвавшись от плакавшей снова Леи, быстро побежал домой.

Всю картину прощания Лея целых полгода держала в памяти, вспоминая буквально каждую минутку их свидания. Вот они, эти долгие шесть месяцев прошли. Ей казались они годами, и даже несколькими жизнями. До чего же она соскучилась по Аллану... Конечно, каждый день поднималась на крышу и смотрела на море. Хотя понимала, что она этим пытается заглушить тоску по любимому. А вот с первого дня месяца ава (августа) это уже совершенно другое ожидание – реальное.

С самого раннего утра и до наступления темноты Лея не спускалась в дом. Мама даже на крышу принесла ей кувшин с водой, циновку и блюдо с фруктами. Должна же она заботиться о своей влюбленной дочке! Сама была молодой когда-то и понимала сейчас дочку как никто...

Солнце утопило свои лучи в теплых водах Средиземного моря, а Лея все ожидала появления на горизонте черной точки. Но... все напрасно. Девушка сидела на циновке, заплетала и расплетала свою густую длинную косу. Потом сцепила руки на груди и напряженно смотрела вдаль. Наступила ночь, самая настоящая ночь.

Только луна освещала морскую гладь. Были дни полной луны, она казалась такой огромной и яркой, что впечатление ночи исчезло. Только поднимающаяся над горизонтом полная луна создавала все более красочную блестящую дорожку на воде. Даже сам свет от луны, опускаясь на воду, создавал на небе сказочный туманный канал и только достигнув воды, проявлял свой блеск.

До полуночи Лея просидела на крыше. Море было наполнено загадочной и необычной красотой. Но без парусника, который так трепетно ожидала Лея, море ей казалось мертвым и пустынным. В глубоком разочаровании девушка спустилась домой. Прошла к себе в комнату, окно было еще открыто. Лея вздохнула, хотела было поплакать, но стыдно стало даже перед самой собой, ведь обещала не плакать, и цветок мужественный подарила ему. Нет! Плакать не будем!

В понимании людей, живущих в 21 веке, она вошла не в комнату, а в комнатку, и закрыла не окно, а оконце. К тому же, стекло в то время еще не было, поэтому было некое подобие рамы, в которой вместо стекла были вставлены деревянные дощечки. Девушка погрузилась еще немного и легла спать.

На дворе шел 1190 год. И шел этот самый 1190 год по земле, называемой Палестиной, где дружно обитали потомки всех двенадцати колен израилевых. Поселение Акра, которое, кажется, здесь находится со времен рождения самой матушки-земли, вмещало всех желающих на этом берегу теплого и красивого моря. Кто тут не жил... Здесь были турки, иудеи, и мусульмане. Все молились своим Богам и не было между ними войн.

Впрочем, войны, конечно были. С зарождения человечества на земле всегда идут войны между племенами за теплое место под солнцем. А эта земля, пусть и каменистая,

с жарким знойным летом и теплой зимой всегда привлекала другие народы, которые себя считали избранными и предполагали, что имеют право ступать туда, куда дотянудись мысленным взором. Так что мира на земле израилевой не было никогда, как нет его и до сих пор. И во все века евреи живут с надеждой и верой на мирную счастливую жизнь и делают всё для создания рая на этой земле.

Глава 3. Ожидание матери...

Яффа была не менее взволнована, чем Лея. Конечно, они еще не были официально представлены друг другу. Просто Яффа знала, что ее сынок Аллан влюблен в девушку, которую зовут Лея и что девушка эта из хорошей достойной семьи.

Прошло полгода, как ее любимый сынок Аллан ушел в далекое морское путешествие. Теперь наступил месяц ав, сын должен быть со дня на день дома.

Кроме Алланчика у Яффы и Хадаса было три дочки, которые теперь уже имеют свои семьи, и у Яффы Хадасом уже восемь внуков и внучек. Хадас с Яффой уж и мечтать перестали о сыне, думали, что будут только внуков – мальчиков видеть в своем доме, но неожиданно Яффа поняла, что беременна. Хадас был счастлив... Невзирая на то, что девочек было уже трое в семье, могла родиться еще одна девочка, в душе он очень хотел мальчика и в молитвах просил Всевышнего подарить ему хотя бы одного сына.

Всевышний отозвался на просьбу Хадаса – родился крепкий и смугленький мальчик. Имя ему Хадас придумал заранее, и радовался как ребенок, когда Рав Мошиах открыл Тору, произвел какие-то расчеты и назвал отцу имя – Аллан. Боже мой! Ведь об этом имени и мечтал сам отец. Все складывалось так, как мечтал купец Хадас.

Малыш оказался источником огромной радости и счастья. Дочки в тот момент уже обзавелись семьями и жили отдельно от родителей. Остались Хадас и Яффа в своем доме с маленьким Алланчиком. О! Сколько любви и внимания доставалось одному ребенку в доме. Яффа и сама, казалось бы, уже мама троих взрослых дочерей, даже не подозревала, что так можно любить малыша, одного из четырех ее детей. Но эта любовь была какая-то особенная. Она как будто понимала, что хочет ей сказать сын, хотя он еще не произнес ничего вслух.

Когда Аллан стал подрастать, у них с мамой сформировались свои особые отношения. Это не были тайны матери и сына от папы. Скорее всего, это выглядело как их общая игра, в которой участвовали они двое: мать и сын. Аллан смотрел матери в глаза, но вслух ничего не произносил. Она понимала, что сын сейчас ей посылает мысленно слова, которые она должна понять. Яффа замирала, прислушиваясь к неведомым и неслышным вибрациям, идущим от Аллана. Через несколько секунд в ее ушах раздавался голос сына, и она понимала сказанное им. А сын в это время стоял неподвижно и смотрел матери в глаза. Потом они с юмором обсуждали, как они слушают и слышат друг друга. Это было необычно и смешно для них двоих. Отец об этом не знал, да он бы и не поверил их рассказам.

Детство Аллана пролетело так быстро, что Яффа не успела насладиться общением с сыночком. Он оказался на редкость деловым ребенком. Как понимала Яффа, в этом раннем взрослении сына принял участие Хадас.

Ее муж был не только красив, как мужчина, но и не обделен умом. Бог дал ему все, что необходимо в жизни мужчине. Хадас оказался не только хорошим мужем, но и хорошим отцом. Он понимал, что единственный наследник его торгового дела будет Аллан, его сын. Женщины не могут заниматься торговлей. Удел женщины – рожать детей и воспитывать их до совершеннолетия.

Мудростью своей отец делился с сыном уже тогда, когда мальчику было пять лет от роду. Он часто занимался своими взрослыми делами и проводил различные переговоры с покупателями, но не спускал с рук маленького Алланчика. Малыш настолько привык к этому, что мама носила его на руках на руках только тогда, когда он был совсем крошечным. По крайней мере, насколько он себя помнит, он знал, что самое уютное место в доме и вообще в жизни – это на руках у своего отца.

Поэтому все взрослые разговоры ребенок слышал и со временем начал понимать, для чего отец его держал в непосредственной близости. Конечно, когда Аллан подрос, само собой, он уже не сидел у папы на коленях, для него был предназначен стул с более высокими ножками, чтобы он мог чувствовать себя полноценным мужчиной, и быть на одном уровне со взрослыми людьми, находясь в процессе деловых переговоров известного купца Хадаса с покупателями его товаров.

А уж когда Аллану исполнилось тринадцать лет, и был праздник бармицва, подразумевающий зачисление Аллана в разряд взрослых мужчин, отец объяснил Аллану, что он больше не мальчик. В синагоге иудеи обычно имеют право начинать молитву, если собирается не менее десяти мужчин. Но если их девять, и входит в синагогу подросток старше 13 лет, то молитва уже может состояться, поскольку спрос с подростка уже как с мужчины, если он имеет право участвовать в сотворении молитвы вместе со взрослыми.

Аллан чувствовал себя совершенно по-разному в общении с мамой и с папой. Если с отцом у них были взрослые разговоры, где отец рассказывал некоторые ситуации и включал в их решение сына, то с мамой у них были безмолвные шуточки. Он мог сказать ей, молча глядя ей в глаза примерно такие слова:

– Мама, я пойду к папе, он просил меня сегодня ему помочь.

На что Яффа через минуту говорила сыну:

– Ну, раз просил, надо обязательно помочь. Иди, сынок!

Иногда мать с сыном могли дружно засмеяться. Никто не понял бы, почему среди всеобщей тишины они вдруг начинали смеяться. Они-то сами понимали, что Аллан послал мысленно маме шутку, которую она услышала и они вместе расхохотались.

Кто бы поверил такому общению Яффы с Алланом?! Да, они никого и не посвящали в это. Это еще могло быть и опасно. Люди во все времена не любят, когда их мысли читаемы. Постепенно у них выработалась система посылы мыслей друг другу на расстоянии. Например, возвращается Аллан домой и отправляет маме сигнал, чтобы она вышла и встретила его. Чем бы ни занималась Яффа, она принимала сигнал и выходила навстречу сыну. У них уже выработался такой ритуал встречи. Аллан обнимал маму за плечи, а мать обнимала сына за талию и так они входили в дом. Обоим это доставляло огромное удовольствие. Поэтому их тайна не разглашалась, а способности совершенствовались.

Вот и сейчас... Яффа знала, что в месяце ава Алланчик прибудет домой. Она ждала его так сильно, и ее сердечко билось никак не спокойнее, чем у влюбленной в Аллана – Леи. Но любовь матери и невесты может быть одинаковой по силе, только вызывает разные эмоции.

Мать, если она умная, не будет ревновать сына к его жене. А Яффа считала себя женщиной умной и образованной, насколько это могло быть в двенадцатом веке нашей эры. Она даже могла читать и писать. Она хорошо знала письменный иврит. Ее научила мама. Спасибо маме, и пусть ей будет хорошо на небесах. Она рано умерла. А Яффа постоянно вспоминала о маме, посылая ей благодарность и благодарила Всевышнего за то, что у ее детей живая мать и есть умный и добрый отец.

Она уже чувствовала посылы в мозг от Алланчика, но его голос доносился еще очень тихо, поэтому в первый день месяца ава (августа) Яффа еще и не выглядывала на море и не шла в порт. В отличие от Леи. Это бедная девушка сходила с ума от нетерпения, в то время как Яффа спокойно занималась своими делами.

Следующий день для Леи оказался тоже грустным. Она провела его на крыше. Снова в подавленном настроении отправилась к себе в комнатку.

Зато Яффа уже чувствовала приближение судна. Сын ее также скучал по ней, как и она. Да, действительно, они редко расставались, а уж тем более на полгода – вообще впервые... Мать волновалась, сердце прямо птицей бы полетело на пирс, куда должен был прибыть

парусник. Она уже успела приготовить любимую еду сыночка, украсить его комнату цветами... И вот его настойчивый голос звал мать, он говорил ей, что уже вот-вот сойдет на берег.

Третий день месяца ава принес Лее счастье. Она с восходом солнца уже была на крыше и неотрывно смотрела на море. Она смотрела на горизонт, глаза уставали и она боялась не заметить появляющуюся черную точку, которая будет постепенно вырастать в размерах и превратится в парусник... Любимый мой! Быстрее! Я ждалась тебя!... И девушка протирала глаза уголком тонкого белого платка, закрывающего ее голову от знойных солнечных лучей, и снова устремляла взгляд на горизонт...

И вот она... эта заветная черная точка! Лея знала, она душой чувствовала, что это может быть только судно Аллана! Она заплакала от счастья, плакала и прыгала на крыше своего дома, как маленькая девочка! Хлопала в ладоши, щеки ее горели, она прижимала ладони к щекам, снова плакала. Как же ей хотелось сейчас быстро сбежать по ступенькам вниз, выскочить из дома и стрелой нестись на пирс.

Однако она не имела возможности в данный момент встречать Аллана в порту. Потому что не была еще его женой. Ее бы не поняли окружающие. Честь девушки охранялась строго. Теперь-то она знала, что Аллан прибыл, скоро он сойдет на берег, встречать его, несомненно, будет мама, а уж вечер будет принадлежать только им двоим. И Лея радостно порхала по крыше, размахивая белым полупрозрачным платком, который развевался над ее головой как легкое пушистое облачко. Всё! Ожидания закончились!

День был жаркий. Яффа надела белое платье, просторное, из тонкой легкой ткани, сверху накинула тунику, расшитую серебряными диковинными цветами по светлобежевому полю ткани. Этот наряд сделал ее молодой и красивой, как девушку, хотя она никогда не была худенькой. Яффа в свои пятьдесят с небольшим лет была статной привлекательной женщиной, в меру полной, с пропорциональными формами... А тут... глаза ее светились радостью, в них сверкал огонь, щеки зарумянились. Она быстро надела легкие сандалии, накинула на голову белый платок и выскочила на улицу.

Голос сыночка уже раздавался в ее ушах так, как когда он был с ней в непосредственной близости. Он звал ее: Мама, има, имуш...

Когда Яффа прибежала в порт, парусник сына уже входил в бухту. Гребцы сидели на веслах и весла в их руках так и мелькали. Уж им-то как никому хотелось поскорее бросить весла и оказаться на суше. Труд гребцов требует физической силы и узнать человека такой профессии можно по жестким мозолистым ладоням.

Сын стоял на носу парусника и махал обеими руками, приветствуя мать. Он, конечно, был бы рад видеть рядом с мамой свою любимую Лею, но... правила хорошего тона не позволяли девушке белым днем встречать своего любимого. Ведь она ему еще не жена, и ей официально не было сделано предложения со стороны Аллана.

Но мамочка! Вон она стоит у самого края пирса. Как же он скучал по ней! Он не слышал ни от кого из своих друзей, чтобы они вот так трепетно воспринимали отношения со своими матерями. А ему казалось, что его мама – самая умная, самая красивая и лучшая! И он гордился ею. Не меньше он гордился и отцом. Но мама... Он планировал в своей жизни никогда с ней не расставаться.

Между тем, Яффа по пути забежала в магазин к своему мужу, чтобы сообщить, что она спешит в порт встречать Аллана, а он должен отправить в порт повозки для доставки грузов с судна в склад.

Вскоре суденышко подошло вплотную к берегу, матрос закрепил канат к пирсу. В ту же секунду Аллан прыгнул через борт и устремился к матери. Они обнялись, радость их была огромной, как вселенная... Яффа смеялась, осматривала сына со всех сторон. Она и не думала плакать от радости. Мать нашла сына повзрослевшим. Он даже раздался в пле-

чах, стал выглядеть более мужественным. Так у него еще и мозоли на ладонях. И Яффа испуганно вскрикнула:

– Алланчик, ты чем занимался, откуда такие мозоли?

На что ее сын невозмутимо отвечал:

– Я работал гребцом наравне со всеми остальными мужчинами. Они ведь тоже устают. Это нелегкая работа. Но ты не волнуйся, мне это самому нравится. Я уже совсем взрослый!

– Вижу, родной мой, ты уходил в море совсем юным, а сейчас вон какую красивую бородку отрастил! А тебе очень идет! Какой ты у меня красивый, сынок!

– Мама, свои дети всегда кажутся самыми красивыми! А как папа? Он где? Дома? Почему не пришел вместе с тобой?

– Алланчик, он у себя в магазине, мы с тобой к нему заглянем, а потом пойдем домой все вместе! Я приготовила все то, что ты любишь!

– Мамочка, подожди немного. Мы сейчас перегрузим с судна на повозки и они доставят груз на склады, а мы с тобой не спеша пойдем домой.

Через несколько часов все, что было в трюмах небольшого парусного суденышка, перекочевало на повозки и отправлено на склад купца Хадаса.

Когда все работы были закончены, Аллан собрал вокруг себя весь экипаж парусника, выдал каждому из них деньги. Это были золотые монеты. Судя по реакции матросов, деньги были немалые, люди кланялись Аллану и благодарили его как хозяина, который не обидел ни одного из работавших людей. Яффе это пришлось по душе. Аллан поблагодарил всех и теперь он целиком и полностью принадлежал своей семье.

А в мыслях он уже летел как голубь к своей ненаглядной Лее... Но... сначала отчет перед отцом. Так принято в делах. Сначала дела, а потом развлечения и отдых...

Солнышко уходило на закат, день пролетел так незаметно. Однако самые важные дела были сделаны, его плавание завершено, причем неплохо завершено. Все, что они планировали с отцом, Аллан исполнил на отлично. Ему было приятно отчитаться перед отцом о выполненной работе.

– Мама, мы можем теперь идти к отцу. Он же нас ждет?

– Конечно, сынок!

Аллан, как всегда, положил руку маме на плечо, прижал ее к себе, а она обняла его за талию, и они не спеша начали подниматься в горку. Отец подждал их на улице рядом с магазином. Мужчины радостно бросились друг к другу, обнялись. Отец радовался как мальчишка. Аллан чувствовал себя таким обласканным и облюбленным. Он же знал наверняка, как глубоко и сильно любят его родители.

Молодой купец Аллан собирался было отчитаться перед отцом о проделанной работе, но отец, так долго ожидавший сыночка, прервал его словами:

– Сын, работа завершена прекрасно. Видел, какие товары ты привез из-за моря. Ты становишься настоящим купцом, торговцем. Будем думать о расширении работы. А сегодня, сынок, не будем говорить о работе. Пойдем домой на ужин...

– Яффа, как ты думаешь, долго сегодня вечером наш сынок с нами будет или быстренько убежит к своей невесте? – и Хадас весело рассмеялся и лукаво подмигнул сыну.

Все трое дружно рассмеялись, обнялись, отец закрыл свой магазинчик и они отправились домой.

Надо ли говорить, как Аллан торопил ужин, торопил время. Родители понимали, что со временем Аллан обзаведется своей семьей, и родители будут у него на втором месте после своих детей и жены. Каждый родитель проходит через эти события, а так не хочется разлучаться с сыночком. Хочется видеть его всю жизнь рядышком...

Яффа с Хадасом вслух даже не озвучивали своих грустных мыслей, но взгляды их, обращенные друг к другу говорили об их чувствах без слов. Но Аллану даже в голову не при-

ходили эти мысли родителей, он не мог думать ни о чем и ни о ком, кроме ненаглядной своей Леи.

Аллан быстро пошел к себе в комнату, взял чистую одежду и вышел во двор. Ему нужно было хотя бы освежиться и искупаться в прохладной водичке. Во дворе их дома находился каменный бассейн, в котором хранилась вода. Там зимой собиралась дождевая вода, а летом они запасались водой из водовода, построенного лет двести назад, соединявшего источники Кабри и поселение Акко.

Рядом с хранилищем воды находилось каменное корыто. Аллан видел его столько лет, сколько он помнил себя. Это удивительное корыто всегда находилось в их дворе. И вся семья купалась в нем. Летом вода в хранилище нагревалась и была горячей от солнечных лучей, так что купаться в такой воде было одно удовольствие. Еще малышом Аллан спрашивал у отца, откуда появилось это корыто. Оно было куском целого камня с выдолбленной серединой. Кто, какой мастер мог изготовить такое прекрасное корыто, в котором нельзя было пораниться об острые уголки камня. Изнутри оно было отполировано. Да уж, мастер был человеком способным. Причем, отец сказал, что сколько лет существует их дом, столько лет и корыто во дворе, точно также, как и каменный бассейн для воды. Вода в нем всегда свежая и чистая.

Еще раз порадовавшись тому, что он наконец-то оказался в родном доме, Аллан с удовольствием уселся в корыто, натирая себя мочалкой из зеленых стеблей травы, которая еще и лечебной была, поэтому никто в семье никогда не страдал болезнями кожи. Удовольствие было таким, что не хотелось вообще выходить из воды. Но вечер уже вошел в свои права, было темно. Правда, луна появилась на горизонте и спокойно поднималась вверх по небосводу, освещая все вокруг своим мерцающим светом.

Глава 4. Любовь во все века сильней всего на свете...

Аллан бегом устремился к дому Леи. Он понимал, что ночами не ходят в гости к девушке, надо было успеть появиться еще в более-менее приличное время... И поэтому неся бегом как только мог. Остановившись около дома, Аллан решил отдышаться, а потом только войти в калитку. Но из-за ствола оливы вышла Лея...

Аллан увидел девушку и обомлел... Какая красавица! Она стала еще прекраснее за эти полгода.

Лея была одета в платье нежно-розового цвета, такой прекрасный шелк очень подходил ей по цвету и в лунном свете она выглядела перед парнем как будто розовый цветок, волосы ее были распущены и спускались густой шелковистой черной волной по плечам, отдельные локоны спускались на грудь, а основная масса кудрей была рассыпана по плечам. Даже в лунном свете было видно, каким счастливым блеском светился ее взгляд. Ее щечки были розовые, как и ее платье.

Счастье заполнило ее душу. Она даже не могла в доме ожидать своего любимого. Он вхож в дом ее родителей, его знали и любили. Но она уже давно тут стоит, под любимой своей оливой... И наконец он появился.

Боже мой! Она смотрела на Аллана во все глаза, она хотела его всего впитать в себя, и никогда с ним не расставаться... Да, и сам он уже не мог дожидаться, когда сможет взять Лею за руки, привлечь к себе, обнять крепко-крепко и также крепко ее поцеловать... Как он мечтал об этом все шесть месяцев разлуки, когда на море выходил на палубу и смотрел в звездное небо. Когда был штиль, и когда бушевали волны...

Аллан протянул руки навстречу Лее, она стремительно шагнула в его объятия. Они не говорили ни слова, просто тесно прижались друг к другу. Никакие слова не заменят молчаливое выражение чувства только одним взглядом. Для каждого из них эта любовь была первой и потому такой чистой и сильной...

Под оливой была лавочка, на которой они всегда и сидели. И сейчас они сели рядышком, рука Аллана лежала на плече Леи. Он тесно прижал ее к себе. Они молчали, только Лея положила свою головку на плечо парня. Прошло, наверное, уже больше часа. Наконец, Аллан вспомнил, что не отдал еще подарка, который он привез девушке. Он немного отстранился от Леи, девушка даже вздрогнула и испуганно спросила:

– Ты спешишь домой?

– Ну что ты, моя любимая! Никуда я не спешу!

Аллан достал из кармана небольшую шкатулочку, сделанную из морских раковин, очень маленьких ракушек, которые в лунном свете блестели как капли росы.

Он положил шкатулку в ладонь Леи и прошептал:

– Открой, это для тебя!

Лея осторожно приподняла крышку шкатулочки. Там лежало жемчужное ожерелье.

Каждая жемчужинка была неправильной формы, тем и привлекательнее было ожерелье. Индивидуальное, ни у кого такого нет. Каждая жемчужинка имела когда-то свой отдельный домик, в котором она выросла, а теперь вот они собрались на общей нити и носить их будет девушка, которая будет теперь всегда ими любоваться, гладить их пальчиками, и жемчужинки снова будут чувствовать себя нужными и счастливыми.

Лея посмотрела счастливыми глазами на Аллана и сказала:

– Вот теперь я совсем уже поверила, что ты про меня думал в своей поездке! Если бы ты не любил меня, ты бы не привез мне издалека такое прелестное ожерелье. Спасибо тебе, мой любимый! Застегни, пожалуйста, мне его на шейке!

Аллан все делал с чувством. Собрал все волосы, а они были такие шелковистые и густые, что выскальзывали у него из руки и снова рассыпались по спине девушки. Наконец, она сама собрала волосы в пучок, Аллан взял ожерелье, надел его на шейку девушки и застегнул сзади замочек. Пока он справлялся с серебряной застежкой, он много раз прикоснулся к ее шейке губами, а Лея смеялась и говорила: – Алланчик, сейчас буду громко хохотать, мне щекотно. И проснутся родители!

Жемчужинки быстро согрелись на шейке у Леи, и уже освоились у нее под волосами. Подарок пришелся по душе хозяйке ожерелья.

На молодых людей напала смешинка. Они начали вспоминать, как познакомились, как поняли, что это была любовь с первого взгляда, как Аллан дразнил Лею сладкоежкой, что она каждый день прибегала в их магазин и покупала то халву, то финиковый мед, то шербет... А он даже и догадаться не мог, что не за сладостями она бегала в магазин, а чтобы увидеть его. Лея ему сразу понравилась, но он терялся, и даже не знал, как ему сказать о своих чувствах. Это было первое его чувство любви к девушке. И после месяца ежедневных визитов девушка вдруг не пришла в магазин. Аллан так заволновался, он прямо не знал, что ему делать и поделился с мамой своими тревогами. Мама засмеялась и сказала:

– А ты не робей! Возьми самое вкусное печенье и отнеси сам в ее дом. И спроси, как она себя чувствует, вдруг она заболела...

Аллан сделал все, как посоветовала мама. Мама Леи встретила его на пороге своего дома. Молодой и неопытный в сердечных делах Аллан покраснел от волнения и тихо спросил:

– Что с Леей? Она не была сегодня в магазине. Я пришел спросить, не случилось ли чего? Она здорова?

Ее мама заулыбалась, и показала ему рукой, что девушка на крыше дома и молча провела его к лестнице.

Лея никак не ожидала увидеть Аллана у себя дома, а он стоял перед ней такой растерянный, и держал в руках коробку с печеньем. Она сидела и плакала. Он так испугался ее слез. Присел перед ней на корточки и тихо спросил:

– Что с тобой случилось? Кто тебя обидел? Я убью любого, кто захочет обидеть тебя!

– Никто меня не обидел.

– А плачешь почему? И в магазин сегодня не пришла?

Лея закрыла руками лицо, слезки капали на ее платице. Она сквозь слезы сказала:

– Я решила больше никогда не приходиться в ваш магазин.

– Но почему?

– А ты не понял? Ты же старше меня на целых четыре года. Ты же взрослый уже! Я приходила к тебе целый месяц, а ты никогда не показал мне, что я тебе нравлюсь. А я уже не могу ничего поделать. Я... я люблю тебя уже очень давно. Еще когда мне было тринадцать лет, и был праздник моего совершеннолетия – батмицва, который праздновали в синагоге, ты был тоже со своими родителями. Тогда я тебя увидела впервые. Я полюбила тебя еще тогда, с тех пор прошло пять лет. Я-то понимала, что уже не смогу никого другого любить, а ты на меня не обращал внимания. Потом я решила, что ты можешь меня заметить, если я буду каждый день заходить в ваш магазин. Но ты только подшучивал и называл меня сладкоежкой...

Аллан не ожидал такого поворота событий. Вот в чем дело, оказывается!

А ведь он тоже влюбился в Лею в тот момент, когда она первый раз вошла в магазин, но ни за что не решился бы признаться ей в этом.. Но сейчас, когда он понял, что его любовь

взаимна, он легко подхватил плачущую Лею с пола, где она сидела с утра и оплакивала свою несчастную любовь, и закружился с ней по всей крыше. Потом поставил девушку на ноги, обнял ее крепко-крепко и также крепко поцеловал ее в губки. Для обоих и поцелуй был первым, и тем более любовь – первая.

А теперь они сидели на лавочке под оливой и смеялись, вспоминая свое первое объяснение в любви друг другу.

Вдруг Аллан перестал смеяться и посмотрел на Лею очень серьезно. У нее снова сердце остановилось от испуга. Она боялась всяких неожиданных реакций Аллана. Он понял ее волнение по взволнованному испуганному взгляду, взял ее за обе ручки, поцеловал каждую ладошку и сказал:

– Ты выйдешь за меня замуж?

Она только кивнула и положила свою головку ему на грудь. Аллан сказал серьезно и даже как будто строго:

– Завтра на закате солнца мы придем к вам с моими родителями просить твоей руки.

– Хорошо! Я буду ждать.

Время имеет свойство проноситься в ускоренном темпе, особенно когда влюбленным не хочется расставаться. Вот так и просидели на лавочке Лея с Алланом буквально до утра. Уже солнце осветило небо своими розовыми лучами, горы в лучах солнца выглядели необыкновенно красиво. Даже сам воздух был напоен ароматами цветущих деревьев и трав. Настроение было самое радостное. Влюбленные были счастливы. Они думали что расстанутся всего лишь до вечера. А впереди у них счастливые годы семейной жизни. И им никогда не надо будет больше расставаться... Однако, человек предполагает, а Бог располагает. Мы не знаем, что с нами может случиться в следующую минуту.

Глава 5. Новая война с крестоносцами

Аллан вернулся домой уже с первыми лучами солнца. Настроение было отличное. Его мать уже хлопотала у очага. А отец сидел за столом и что-то записывал в толстую книгу. Аллан вошел в дом, поприветствовал родителей. Пожелал им мира и здоровья. Родители лукаво переглянулись между собой и дружно заулыбались. Хадас оторвался от своих записей, встал из-за стола, подошел к сыну, обнял его и спросил:

– Когда праздновать будем твою женитьбу?

– Какие вы, дорогие родители, ничего от вас не скроешь! По моим глазам прочли?

– Конечно, сияешь как золотая монета!

– Папа, мама! Я хотел бы как раз это обсудить с вами. Думаю, я созрел для семейной жизни. Мою невесту Лею вы знаете. Другой девушки у меня не будет. Я хочу жениться только на ней.

– Сын! С уважением относимся к твоему решению. Тебе уже исполнилось 23 года, это возраст мужчины. Поэтому вопрос конкретный: когда идем к родителям Леи?

Аллан, естественно, волновался. Он думал, что разговор будет более серьезный.

Собирался готовиться к предстоящему разговору. Ведь речь будет идти об его самостоятельной жизни. А он понимал, что для родителей будет трудно жить, не видя сына постоянно рядом.

Мама, очевидно, поймала его мысли, услышала их четко и ясно, произнесла вслух:

– Сынок, мы всей душой одобряем твое желание стать семейным мужчиной, мы хотим радоваться внукам. Но у нас есть одно желание – чтобы вы с Леей жили в нашем доме, с нами рядом.

– Да, я понимаю, комнаты моих сестер давно свободны. Но давайте прежде поговорим с родителями моей невесты, устроим свадебное торжество, и тогда решим, где мы будем жить с Леей. Но, скорее всего, сегодня вечером мы обсудим и этот вопрос. А пока, мои дорогие, давайте обсудим наш вечерний визит.

Все трое уселись за стол и начали обсуждать всё, о чем придется говорить вечером. Семья Аллана должна иметь общее мнение по всем вопросам свадьбы и будущей жизни их любимого сыночка.

В полдень Аллан с отцом вышли из дома, работы было очень много. Магазин должен приносить прибыль. Иначе – пустая трата времени и такое непозволительно для любого купца. Магазин находился на возвышенном месте. Сын с отцом были так увлечены разговорами, что даже не глянули на водные просторы бухты Акра.

А у магазина уже стояла толпа мужчин, их было так много, что они и не похожи на покупателей, одновременно оказавшихся у двери еще не открывшегося магазина.

Хадас поневоле заволновался. Он первым делом спросил у самого ближнего полного и степенного мужичка, который неотрывно смотрел куда-то и теребил свою густую бороду.

– Хаим, что случилось?

– Глянь в бухту! Враги на подходе!

Вот только тут Хадас устремил свой взгляд на море. И замер... Все пространство бухты было черным. Парусники заполнили всю бухту. Уже было видно, как на палубе стоят люди. На каждом паруснике было так много людей, что похоже, людей было несколько тысяч. Потому что парусников было не десять-двадцать, а сотни... И каждое суденышко устремлялось к берегу. Уже видны гребцы на веслах. Эта черная армада парусников неотвратимо приближалась к берегу.

Хадас не сказал бы, что среди населения Акра царил паника. Но мужчины были собраны и уже образовали круг, в центре которого стоял глава управления городом. Можно

сказать, что Акра – это город с населением около сорока тысяч человек. Здесь все было построено на торговых операциях. Поскольку город Акра являлся воротами с малой Азии в Европу, то здесь была перевалочная база, где находились многочисленные транзитные склады.

Эта земля была необыкновенной привлекательности. Ее мощная энергетика не давала покоя туркам-сельджукам, и египтянам, и крестоносцам. А уж что касается крестоносцев, то они никак не могли успокоиться и предпринимали один поход за другим. Тысячи лет подряд население всей земли смотрит на город Иерусалим, это один – единственный на свете, где расположен храм Гроба Господня.

Казалось бы, чем может быть привлекательной земля Палестины. Каменистая почва, почти нет удобной для земледелия земли, изнуряющий зной, постоянная нехватка воды и ежедневная привычка ее экономии. В какой-то степени по трудным климатическим условиям эту землю можно сравнить с пустыней Сахара. Но ведь войны за владение землей Палестины идут не первое тысячелетие. А за пески Сахары никто не вступает в войны.

Из-за владения этой святыней ведутся войны сотни лет. Крестовые походы за освобождением гроба Господня породили большое количество различных организаций, основанных на верной службе католической церкви и защите паломников, которые держат путь в Иерусалим.

Святой считается эта земля потому, что здесь прошел жизненный путь Иисус Христос, здесь он учил людей добру и любви, здесь он и пострадал за всех людей, в том числе и ныне живущих...

Во второй половине 12-го века члены Ордена Тамплиеров приступили к строительству своего квартала в Акко, в юго-западной части города. Изначально Тамплиеры размещались на Храмовой горе, отсюда и пошло название – хранители храма «Temple». После захвата Иерусалима Салах ад-Дином в 1187 году Тамплиеры выбрали Акко своим новым пристанищем. Здесь в западном конце тоннеля была построена центральная крепость Ордена.

Но путь к Иерусалиму лежит через Акру. Поэтому в четвертый день месяца ава 1190 года крестоносцы заполнили своими парусниками бухту. Голубые волны уже не были видны, все было черным-черно от вражеской силы, заполонившей все пространство бухты Акра, морских ворот Иерусалима.

В 11 веке турки-сельджуки овладели святыней христиан-городом Иерусалимом. В ответ папа Римский Урбант 2 призвал к крестовому походу для освобождения гроба Господня. В марте 1096 года толпы крестьянской и городской бедноты отправились на восток. Малой Азии достигли всего лишь 25 тысяч и практически все они были истреблены турками.

Осенью 1096 года начался поход рыцарского ополчения из разных частей Европы. Весной следующего года ополченцы переправились в малую Азию и совместно с византийцами осадили Никею. После взятия Никеи путь крестоносцев лежал в Сирию и палестину.

15 июля 1099 года рыцари достигли своей цели. Штурмом овладели Иерусалимом. На завоеванных землях было учреждено королевство Иерусалимское, вассалами которого были графство Эдесское и княжество антиохийское.

Второй крестовый поход 1147—1148года, возглавленный королем Франции Людовиком седьмым и германским императором Конрадом третьим окончился безрезультатно. Весной 1187 года египетский полководец Салах-ад Дин начав войну против христиан, захватил Иерусалим.

В западной Европе вновь был организован крестовый поход, который возглавили германский император Фридрих Барбаросса и король Франции Филипп Август и английский король Ричард-Львиное сердце. При переправе через горную речку Фридрих Барбаросса утонул, немецкое войско повернуло домой. Осенью 1190 года крестоносцы предприняли большой поход в Малую Азию с целью завоевать Акру и далее следовать на Иерусалим.

Осада Акры продолжалась не один месяц. Последний крестовый поход был в 1148 году. К концу 12 века к моменту описываемых событий прошло почти полвека. Выросли новые поколения людей, которые только слышали от своих предков о нашествиях крестоносцев и отчаянной защите земли Обетованной людьми, населяющими палестинскую землю. А жили здесь и христиане, и иудеи, и мусульмане. Все они сегодня увидели опасность, исходящую от крестоносцев и начали срочно извлекать свое оружие из тайников и хранилищ.

Аллан с отцом тоже быстро побежали домой за оружием. Да... их оружие значительно отличалось от современного и методы ведения войны были совершенно другими. В 12 веке применялись луки со стрелами, ножи, и клинки. Из метательного оружия применялись арбалеты.

Однако немцы уже в начале 12 века впервые начали использовать огнестрельное оружие. Само собой разумеется, применять его решили на территории Малой Азии. Так что на момент окончания 12 века на территории Палестины имелось достаточно трофейного огнестрельного оружия. Да, и Хадас в своих купеческих делах не считал зазорным покупать огнестрельное оружие в Европе и запасать к нему большое количество патронов.

Нельзя сказать, что жители Акры выглядели беспомощными и не чувствовали в себе силы для защиты своей родной земли. Напротив! Сбор воинов был назначен на высокой горе в западной части бухты. Там в пещерах были сосредоточены основные запасы оружия и продовольствия. Люди были приспособлены к особенностям климата этих мест. Дожди проливались на землю Обетованную только зимой. Поэтому использовался рельеф местности, дождевая вода собиралась в естественных углублениях, из которых она уходила по подготовленному в камнях руслу и уходила под землю, где собиралась в определенных местах, обустроенных для хранения воды. Рукотворные подземные бассейны каждое лето были полны воды, собранной в период зимних дождей.

Местное население без нужды не посещало пещеры. Мужчины, уже ранее принимавшие участие в защите Акры от иноземных захватчиков, старались держать в тайне все входы и выходы в горных пещерах. Кроме того, высокие скалы в бухте позволяли занять более выгодное положение и сверху обливаться смертоносными стрелами крестоносцев. Хорошо, что у жителей Акры к моменту прибытия армады судов с крестоносцами уже было огнестрельное оружие, частично оно было трофейным. Его берегли как зеницу ока. И патроны заготавливали своевременно. У Хадаса было несколько ружей припрятано дома. Аллана еще с детства отец научил метко стрелять и ловко использовать огнестрельное оружие. Поэтому отец с сыном заскочили домой, и отец сразу ринулся в комнату, где под каменными плитами в небольшом погребке было спрятано оружие и патроны. Аллан побежал искать мать, чтобы сообщить ей о грянувшей внезапно беде.

Яффа сидела в комнате и занималась подготовкой к вечернему визиту к родителям Леи. Как того требовали обычаи, от жениха уже в момент сватовства должны быть сделаны подарки семье невесты: деньги, а еще более в почете были подарки от жениха в виде украшений из золота и серебра для невесты. И мать Аллана сидела в безмятежном состоянии. Она подбирала украшения, которые сын должен будет вечером подарить своей будущей жене. Яффа была совершенно спокойна, она еще не успела ощутить беду.

Аллан заскочил в комнату, быстро опустился перед матерью на колени, взял ее руки в свои, целуя каждую руку своей любимой мамы, быстро и отрывисто произносил те самые важные слова, которые он успеет произнести, прежде чем они с отцом убегут из дома.

– Имуш, крестоносцы уже в бухте, снова начинается война. Мы с отцом сейчас убегаем. Пока на западной горе, будем использовать те пещеры. Потом не знаю, где будем. Сходи к Лее, скажи, чтобы она сегодня нас не ждала. Закончится война, мы придем с предложением. Скажи, мамочка, Лее, что я люблю ее, пусть бережет себя. И ты себя береги! Не выходи

без надобности никуда! Спрячься в доме, у нас ведь есть такие места, мы с тобой их сами строили, помнишь?

В этот момент с оружием в руках в комнату забежал Хадас, обнял жену, сказав ей только, чтобы она берегла себя, передал сыну два ружья, а сам взвалил себе на спину мешок с патронами. В тот же момент они исчезли из дома. У Яффы все выпало из рук. Пришла беда – отворяй ворота. Конечно, она и не думала себя беречь и прятаться в тайниках их дома. Тут же накинув на себя шаль, Яффа побежала на крышу, чтобы самой увидеть, что творится в порту.

Там действительно воды не было видно, вся бухта была черной от небольших парусников, а они еще прибывали и прибывали. Люди с первых парусников уже прыгали на пирс и собирались в отряды. Вот уже послышалась стрельба. Еще не произошла рукопашная битва. Местное население встречало прибывших с высокой горы стрелами и пулями. Надо сказать, что для местного населения местонахождение морского порта было выгодным. Высокая скалистая гора, которая внутри имела множество пещер естественного происхождения, была удобна для защиты бухты от нападающих. Таким образом, крестоносцы, высаживаясь на берег, сразу оказывались под огнем защитников Акры, находившихся на высокой горе и были недоступны не только стрелам, но и пулям. Спрятавшись за камнями, было удобно отстреливать крестоносцев, прибывающих на парусниках.

Порт строился сотни лет назад. Так сотни лет продолжались и нападения на эти места. Покоя местным жителям не было никогда. Редкое поколение не знало войны.

Задачей крестоносцев было как можно быстрее и без потерь добраться до крепости и там укрепиться. Прибывшие захватчики поддерживали друг друга громкими криками, так что стояли крики и вопли тех, кто уже успел получить с высокой горы пулю или стрелу. На момент этого нашествия крестоносцев в Акко насчитывалось около 40 тысяч населения, из которых 80 процентов составляли евреи и остальные – арабы и христиане. В этот опасный момент и евреи, и арабы дружно объединились против завоевателей. В районе порта отряд защитников состоял из тысячи человек.

Руководителем отряда был назначен Хадас. Он считался одним из самых уважаемых людей в порту Акры. В первый момент отряд разбили на две части. Первая часть его находилась в непосредственной близости к пирсу, бойцы сосредоточились на горе, откуда можно было вести прицельный огонь, максимально экономя патроны. У кого не было ружей, стреляли из луков, стрелы которых были пропитаны ядом.

Вторая часть отряда находилась чуть подальше. Ее задачей было уничтожить крестоносцев, которых не успели уничтожить первая часть отряда. Тех врагов, которые смогли уцелеть за спинами своих товарищей и неслись дальше в сторону своей крепости.

Крестоносцы брали количеством. Они сплошной стеной шли вдоль побережья, пробираясь к юго-западной части Акры, где тамплиерами еще раньше была выстроена крепость. Так началась затяжная война с крестоносцами. Всю ночь еще подходили парусники, и с них высаживались рыцари, одержимые мечтой католиков защищать свои религиозные святыни, находившиеся в Иерусалиме. А заодно и владеть этими землями, собирать дань с местных жителей.

Прошла ночь. Отряд, которым руководил Хадас и в котором находился Аллан, переместился с горы через тайные ходы в пещеры, чтобы отдохнуть немного, поесть и снова выйти на защиту побережья. Аллан с тревогой думал о том, что мать осталась одна, без защиты мужчин своей семьи. И Лея не выходила из головы. Не исключено, что ее отец тоже ушел на войну, а Лея с мамой остались одни. Эти рыцари как дикие звери, могут насиловать и убивать женщин. Но никуда уйти из отряда он не мог, поскольку у каждого из мужчин оставались дома беззащитные дети, жены и родители.

Аллан был все время рядом с отцом.

С первыми лучами солнца отряд вышел через незаметный лаз, скрытый в мелком кустарнике, на склон горы, ближе к вершине. Их глазам открылась ужасная картина: в бухте не было свободного места от мелких суденышков со спущенными парусами, как будто это было продолжение каменистой серой земли, и не было просвета голубой воды. А на суше все береговое пространство и пирс были усеяны мертвыми телами крестоносцев, через которые пробирались и прыгали с прибывших парусников следующие воины. Одни уже отвоевались, другие с нетерпением пока еще рвались в бой.

Сколько хватало сил, отряд Хадаса стрелял и останавливал выходящих на берег крестоносцев... Но прибывающих было значительно больше, чем защитников, поэтому отдельные группы рыцарей-крестоносцев все-таки по берегу устремлялись в сторону крепости. Уже больше сотни храбрецов, сошедших на берег, карабкались в горы. Их, по мере сил, отстреливали. Крестоносцы казались не людьми, а саранчой, которая покрыла поверхность сероватых гор. Вскоре завязался рукопашный бой. Аллан краем глаза отслеживал, что же творится на море. Наконец, прибытие парусников с крестоносцами закончилось. Все, кто должен был прибыть в Акру, прибыли. Кто уже нашел вечный покой на этой земле, а кто уже проскочил к крепости крестоносцев на юго-западе Акры.

В конце концов, рукопашный бой закончился. Живых или еще все готовых биться с отрядом защитников, уже не оказалось. Теперь нагрузка легла на другие отряды иудеев, которые были в глубине территории поселения. Воздух постепенно наполнялся зловонием. На берегу лежало не менее нескольких тысяч воинов, которые преодолели огромные морские пространства, а на первых метрах чужой земли нашли вечный покой. Теперь нужно было похоронить огромное количество крестоносцев. Здесь, на этой жаркой земле, никогда не бывает холодов, тела начали быстро разлагаться. Того и гляди, начнутся эпидемии и население Акры начнет вымирать.

Аллан оглянулся, он искал отца, но его нигде не было. Отряд Хадаса мужественно отразил атаку на гору, было ранено несколько бойцов. Но где же отец? Аллану ничего не оставалось, как взять командование отрядом на себя. И он громко крикнул, чтобы все собрались вокруг него. Защитники Акры, а как раз в отряде оказались почти все иудеи, и только человек пятьдесят арабов и христиан, в течение нескольких минут собрались вокруг Аллана. Хадаса никто не видел.

Правда, один из бойцов отряда-Ицхак видел, как на Хадаса напали сразу несколько крестоносцев и там шел рукопашный бой. Он бросился на помощь Хадасу. Вдвоем они успешно справились с врагами. В этот момент он и потерял из вида командира отряда. Ицхак лишь увидел, что Хадас преследовал двух убегающих крестоносцев. Они буквально катились с горы и могли упасть на острые скалы на берег моря.

Аллан душой почувствовал, что отцу угрожает опасность для жизни. Он расставил отряд на защиту горы с восточной стороны, откуда тоже могли появиться крестоносцы, если они спрятались и выжидали удобный момент для нападения. А сам с несколькими своими бойцами отправился в то место, где Хадаса в последний раз видел Ицхак. Аллан кричал и звал отца. В ответ была тишина. Они продолжали спускаться ниже, в ту сторону, куда убегали двое крестоносцев. В конце концов, в глубокой расщелине они увидели нескольких человек. Они лежали неподвижно. Аллан понял, что они не спускались туда, они – упали. Вокруг торчали острые камни, и обрывистый крутой спуск вниз, а дальше простирался обрыв и внизу одном из трех лежащих мужчин Аллан узнал своего отца. Спасение было делом нескольких минут. Аллан с одним из бойцов быстро спустился в расщелину и тут же кинулся к отцу.

Хадас был жив. Грудь его была залита кровью. Кровь буквально сочилась из его раны. Он был без сознания, только тяжело дышал и стонал. Из рук он не выпускал свое ружье. Аллан крикнул наверх своим бойцам и Хадаса быстро подняли наверх и передали в руки

лекарю, который был в отряде. Спасибо Всевышнему, что в отряде лекарь не пострадал и сейчас оказывал помощь всем раненым.

Отец был жив, но крови потерял так много, что мог умереть не от раны, а именно от потери крови. Аллан с бойцами теперь должен обойти всю территорию битвы, чтобы ни один раненый не остался без помощи, и каждый погибший должен быть похоронен с почестями. Погибших оказалось двое.

Аллан практически впервые увидел смерть совершенно молодых и крепких ребят. Как теперь сообщить их родным о таком горе. Ведь у каждого есть семья и маленькие детки.

Бои переместились с пирса вглубь территории поселения. Там сейчас задействованы другие отряды обороны, а отряду Хадаса нужно было очистить пирс от тел погибших крестоносцев. Отца и других раненых Аллан попросил доставить в их семьи. Благо, все люди были из близкого к пирсу района. Уже уходя с горы Аллан услышал стон и какие-то жалобные крики. Он понял, что стоны доносятся из того ущелья, куда упали двое крестоносцев и отец, когда их преследовал. Аллан заглянул в ущелье и увидел ползущего вверх молодого парня. Этому крестоносцу было не более восемнадцати лет. Он был обессилен, окровавлен. Парень плакал и протягивал руки к Аллану. Он только всхлипывал, слезы бежали по его лицу и он произносил одно только слово: мама, мама. И плакал...

У Аллана было двоякое чувство. Надо уничтожить еще одного врага. Пусть он даже молодой и не опасен сейчас. Но впереди у него целая жизнь, если его спасти. И скольких людей в будущем он может убить... А если он его спасет и получит нож в спину от того, кого сам спас... Как руководитель отряда он должен был сейчас принять правильное решение. Сам он ничего придумать не мог. И решил посоветоваться с бойцами.

Те, кто был молод, как Аллан или как сам раненый крестоносец, все как один выступили за то, чтобы уничтожить врага и не морочить себе голову. Но двое совсем пожилых иудеев убедительно просили всех остальных сохранить жизнь парню.

Пожилые бойцы, которые помнили от своих отцов и дедов, что не все завоеватели были жестокими. И они тоже сохраняли жизнь пленным. Лечили их и отпускали к семьям. Для Аллана это было открытие. И даже один из этих двух иудеев, был свидетелем такого спасения. Его отец был отпущен и ему не причинили вреда. В конце концов, все согласились спасти раненого парня. Его быстро достали из пропасти, проверили, что второй крестоносец мертв. Его достали тоже, так как надо было похоронить и предать тело земле. Раненого крестоносца Аллан попросил донести до его дома и передать матери.

И далее весь отряд убирал трупы. Копать могилы было некому и времени не было, поэтому всех мертвых сложили в один общий ров, который имел естественное происхождение. Там когда-то бушевала стихия, вода с гор вымыла почву и образовалась довольно большая яма. Вот туда снесли всех убитых, сложили их рядочками и заложили камнями. Получилась братская могила для тех несчастных, которые только мечтали стать героями, но не достигли цели.

Работа по захоронению трупов была окончена только к ночи. Тысяча или больше трупов нашли свое последнее пристанище в каменной могиле на берегу моря в поселении Акко. Теперь надо было решить, что делать с флотом завоевателей.

Поскольку руководители армии обороны Акры находились теперь довольно далеко от пирса, Аллан снова решил посоветоваться с членами отряда бойцов. Пожилые бойцы, которые сами не участвовали в сражениях, но в них участвовали их отцы, рассказали, что в последнем крестовом походе иудеи сожгли флот крестоносцев. И все решили, что нужно поджечь ближайšie к берегу парусники и они будут гореть сильным пламенем, поскольку они стоят тесно друг к другу и погасить их не будет возможности. Не так уж много на парусниках осталось крестоносцев, оставленных для охраны судов. Поэтому погасить большой пожар они не смогут.

Решение о сожжении суденышек было исполнено в течение этой ночи. Пожар горел всю ночь. Пламя было настолько сильным, горели люди и суда. Дикие крики оставшихся на судах крестоносцев заглушал треск горевших мачт и парусов. Некоторые воины отплывали от пожара как можно дальше, но вряд ли кто мог спастись в таком огненном аду.

Утром отряд разошелся по домам. Но не навсегда. Аллан должен получить указание от руководства армии обороны Акры, какие будут поставлены перед ними цели. И Аллан вместе с другими бойцами заспешили домой. Солнце уже взошло.

Уходя из порта, Алан оглянулся. Ему стало как-то не по себе. Как будто совершенно ничего не произошло за последние два дня. Флот сгорел и останки его покоились на дне моря. На поверхности моря ничто не напоминало о том, какой могучий бросок совершили крестоносцы, достигли берега Акры, и теперь многие из них лежали в каменной братской могиле, а флот покоится глубоко под водой. Ни люди, ни флот – не восстановимы. Только камни были не совсем обычного для них серого цвета, они были красными от крови. Красный берег... И скорбь матерей, которые никогда не увидят своих сыновей... Будь они крестоносцами или воинами другой армии, матерям одинаково горько терять детей...

И все эти нашествия происходили из-за какого – то желания править судьбами целых континентов, а не только отдельных городов. Крестоносцам хотелось находиться на вершине пирамиды... А разве нельзя было всем людям посещать католическую святыню – храм Господень в Иерусалиме? И там молиться своему Богу.

Но это не был конец крестового похода. Осада города длилась не менее восьми месяцев.

Глава 6. Всевышний дает события, а мы обязаны их принять...

Яффа в волнении ходила по комнатам. Она уже успела добежать до Леи, передала ей слова сына. Надо знать душу еврейских женщин. Душа полна волнений, чувств, восторгов. Слезы могут легко брызнуть из глаз от избытка чувств радости и счастья. Но когда наступают серьезные моменты, особенно опасность для жизни любимых и близких людей, то еврейская женщина концентрируется так, что может горы свернуть, чтобы спасти любимого.

Услышав, что Аллан с отцом ушли на защиту Акры, Лея засобирилась тоже бежать в порт. Она думала, что сможет там оказаться полезной для Аллана. Однако Яффа поговорила с девушкой довольно строго, и та согласилась ожидать Аллана у себя дома. Ведь он четко и ясно сказал, что как только окончится война, он придет к родителям Леи просить руки своей любимой, и они тут же поженятся. Лея пообещала матери Аллана держать себя в руках. На том они и расстались. Ночь прошла в беспокойстве. Яффа ни разу даже не прилегла на кровать. Какой же тут сон, если ее самые любимые и дорогие люди находятся в самом пекле сражения.

Яффа слышала и стрельбу, и отдельные крики. Поднимаясь на крышу, она не видела даже голубого моря. Видны были только парусные суда, и их было так много, что беспокойство за своих мужчин и вообще за жителей всего города охватывало ее душу.

Мать пыталась войти в мысли сына, но там не было конкретного известия для нее. Шумы, крики, волнение Аллана. Ее успокаивало хотя бы то, что он жив. И муж ее жив. Иначе у Аллана в голове возникали бы мысли, которые матери стали бы доступны.

Так прошел весь следующий день. После обеда Яффа поднялась на крышу дома в глубоком волнении. Никогда еще ее сердце не билось так тревожно. Она не могла унять его, пыталась уговорить... Выползла на крышу, от волнения ноги ее не держали. Надо учесть, что возраст женщины был уже за пятьдесят.

Она увидела нескольких мужчин, которые несли на палантине ее мужа, всего забинтованного какими – то окровавленными тряпками. Хадас не подавал признаков жизни.

Яффа теперь уже вниз спускалась на негнущихся ногах. Ее волнение передавалось так, что голова четко работала, а ноги – отказывались ей подчиняться. Она вышла из дома и встретила мужчин. Прежде всего, она кинулась к мужу, пыталась услышать его дыхание. Он был как будто жив, но глаза закрыты и, похоже, без сознания. Принесшие его люди подтвердили, что их командир жив, что его перевязали и что лекарь должен будет прийти к ним попозже вечером. А на словах передали рекомендации лекаря, как нужно лечить Хадаса.

Единственная хорошая новость, которую ей передал лекарь, что Хадас скоро поправится, его рана не опасна для жизни.

А вторая хорошая новость – что Аллан жив и принял командование отрядом после ранения отца.

Яффа погрузилась в заботы о муже. Она не отходила от него ни на минуту. Муж ее долго еще не приходил в сознание. Только ближе к сумеркам он пришел в себя. Открыл глаза. Сначала, очевидно, он не мог понять, что случилось, почему он лежит в таком беспомощном состоянии. Когда он попытался приподняться, ужасная боль заставила его снова опуститься на кровать. Яффа сидела рядом с ним и гладила его руку. Она тихонько попросила мужа не двигаться активно, потому что он получил ранение в грудь. И уверила его, что лекарь сказал, что Хадас быстро поправится, что рана не опасна для жизни. Хадас в первую минуту возвращения памяти тут же начал спрашивать, что с Алланом. И снова Яффа успокоила мужа

известием о том, что атака крестоносцев отбита, и что сын принял на себя командование отрядом.

Жена поняла, что самую важную информацию Хадас от нее получил, теперь ему надо выздоравливать самому. Яффа приготовила для мужа отвар из лечебных трав. К ночи появился лекарь. Но не один. С ним шли те же мужчины, которые принесли Хадаса. Они снова несли кого-то на палантине. Яффа чуть не потеряла сознание от мысли, что второй раненый (или уже мертвый??) может быть ее сыном. Бедная женщина схватилась за дверь, ноги ее просто уже не держали.

К ней тут же бросился лекарь Моше, который шел впереди. Яффа с испугом спросила:

– Что с Алланом? Он жив?

– Яффа, не волнуйся. Он жив. Это совсем другой человек.

– Как? У нас в городе есть госпиталь. Для чего его к нам в дом? Я не знаю, как ему помочь. И вообще, кто это?

Лекарь помялся. Яффа заволновалась. Хуже всего в жизни тогда, когда не знаешь полностью реальной картины.

И она твердо сказала:

– Моше! Мы с тобой так давно знаем друг друга, что не пытайся меня обманывать. Скажи честно, кто это и почему – к нам в дом?

– Ты только не волнуйся, Яффа! Это приказ твоего сына. Что этого раненого мы должны принести к вам в дом. А кто он? Это человек, который, ранил твоего мужа. Это крестоносец.

– Что?? И его к нам в дом?

– Аллан вернется домой, и сам тебе все расскажет. Мне сложно объяснить. Я тебе только расскажу, как лечить этого парня.

И Моше начал подробно инструктировать Яффу, как помочь парню.

Яффа, бедная, с ума сходила от полученной информации. Ей принесли в дом человека, из-за которого она чуть не потеряла своего любимого мужа. Врагов надо уничтожать, а она должна выхаживать его...

Тем не менее, Яффа сделала питье раненому парню. Он лежал такой несчастный. Крестоносец был ранен в руку. Кроме того, нога оказалась поломанной. И лекарь успел ее заложить в лубок, поэтому парень не мог встать. Хотя и был в полном понимании реальности. Только не понимал язык. Когда Яффа поднесла ему небольшой ковш с питьем ко рту, он здоровой рукой поймал ее руку, прижал ее к своим губам поцеловал и сказал: Мамама, маммама...

Яффа поняла, что хотел сказать ей парень. Он назвал ее мамой. Слишком похожи были слова чужого языка на ее родной иврит. На иврите слово мама звучит как има. Има – имуш... Ласково... Мамочка... Она тоже свою маму так называла – имуш!

Она сидела рядом с кроватью раненого парня, смотрела на него и думала:

– Сижу рядом, помогаю... А могла бы сегодня уже готовиться к похоронам мужа. И она заплакала. Парень очень правильно понял ее мысль. Он как будто считал с ее мозга то, что она подумала. И он пытался приподняться, чтобы поцеловать ее руку, и этим самым сказать, как он виноват перед ней и ее мужем. Яффа встала, не позволив ему снова целовать ее руки. Сама ситуация ей была совершенно отвратительна.

Однако сын приказал отнести парня сюда, значит, так и должно быть. Женщина вздохнула и пошла готовить парню бульон из кусочка бараньей лопатки. Хорошо бы туда добавить бараньего жира, так он быстрее выздоровеет.

Развела огонь в очаге, приготовила бульон для обоих раненых мужчин. А ведь надо и для Алланчика ужин приготовить. Вот сразу сколько работы прибавилось! Зато ее мужчины живы. И она снова почувствовала себя оптимисткой.

Всю ночь Яффа не спала. Она сидела у кровати мужа. Она сумела его вечером даже напоить бульоном. Он еще тяжело дышал, но было видно, что хуже ему не становится. Это вселяло надежду. Муж начинал засыпать, тогда Яффа шла в другую комнату, где лежал больной крестоносец. Как только он слышал ее приближающиеся шаги, тут же пытался встать и все что-то говорил на своем языке. Теперь она рассмотрела его получше. Он был совсем молодым, почти еще мальчишка. Зачем же таких берут на войну?

И у Яффы злость постепенно таяла и превращалась в сочувствие этому больному мальчику, у которого повреждена правая нога и левая рука ранена. Это его ранил Хадас. Так поняла Яффа. Она попросила Всевышнего показать ей картину боя, и тотчас увидела все в деталях. Конечно, Хадас защищался и правильно делал.

На него напали несколько человек. Некоторых он обезвредил выстрелами. А двое побежали от него. Он пытался догнать их и прикончить тоже, но тут неожиданно открылось ущелье, которого не видел и сам Хадас и не видели убегающие его противники. Хадас на ходу выстрелил. Попал одному из убежавших в руку. Оба парня упали в обрыв, а за ними туда же упал и Хадас. А этот парень махал шашкой направо-налево, и задел Хадаса. Хорошо, что рана не смертельной оказалась.

И когда в очередной раз раненый парень пытался поцеловать ей руку, очевидно, просил прощения у нее на своем языке, он был многословен и там часто упоминалось слово мамма, Яффа просто погладила его по голове и сказала:

– Спи, спи! – И как маленькому закрыла ему глазки. Погладила по лбу, потом спустилась к глазам и пальцами прикрыла ему веки.

Он, видно, все понял, что его простили. Он-то просил прощения у Яффы не за то, что ранил ее мужа, а за тот факт, что он пришел убивать этих людей, а они же его не убили, и даже спасли, перевязали и принесли сюда. А еще он услышал, что в соседней комнате стонет мужчина и понял, что тут не он один пострадавший.

Так у Яффы прошла беспокойная ночь. Но ни на секунду она не забывала о сыне.

Она постоянно посылала ему сигналы, и только один раз получила ответ, что он жив.

Почему-то только в этот момент она могла позволить себе поплакать от души.

Она думала, что никто не видит ее слез, но молодой крестоносец видел слезы женщины, он понимал, что она плачет из-за своих мужчин, а не из-за него. А он – один из тех, кто принес смерть в этот город. И парень сам заплакал. Но Яффа стояла спиной к парню и не видела его слез.

Только Бог видит наши слезы, дает нам возможность осмыслить ошибки и дает возможность исправить что-то и стать душой чище. И делать больше добрых поступков. Для этого мальчика ночь была ночью взросления и незримой беседы с Богом. Он утром встал с первыми лучами солнца совсем другим человеком. Он уже не видел врагов в этих людях, которые жили себе и жили на своих каменистых и неурожайных землях и никогда не приходили к ним в Италию с целью уничтожения людей и завоевания территорий. А крестоносцы много-много раз уже затевали войну с этими людьми, которые им не сделали ничего плохого. Совершенно ничего!

Ночью Яффа поднялась на крышу дома и замерла в ужасе. Вся бухта была охвачена ярким пламенем. Ей казалось, горит всё, и море, и земля на берегу. Всё слилось в единое море огня. Она была в панике. Собрав все силы воедино, Яффа послала сыну вопрос: Ты жив?

Ответ пришел положительный. Но сам сын был еще в порту или где-то, но довольно далеко от родного дома. И Яффа спустилась в дом.

Утро было ясным и солнечным. Как и всегда на этой родной для нее земле Палестины, где они дружно жили все вместе: иудеи и христиане, и арабы... Каждый молился своему Богу. И каждый из них думал так, что Бог каждого из них для него – единственный и самый главный в мире. И другой также думал. А не может быть на небе нескольких единственных

и самых главных Богов. Скорее всего, он один на всех, Бог един. Но вслух никто не осмеливался произносить такие слова. Вот и молились, кто какому Богу. А Бог он есть любовь, вечность и бесконечность. ОН-ОДИН!

Яффа вышла на улицу, чтобы сказать Богу «Доброе утро, Всевышний! Спасибо, что ты сохранил мне мужа, и что мой сынок жив. Пусть и этот раненый парень будет здоровым. Ты ведь, Всевышний, не случайно его направил в наш дом?! Спасибо, Господи, тебе, спасибо за все, за то, что дал нам жизнь и возможность радоваться этой жизни!...

Так встречала первые лучи солнца еврейская женщина Яффа, направляя слова благодарности Богу. И была она прекрасна и красива в своей молитве. И даже имя ее – Яффа в переводе на русский язык означало Прекрасная.

Яффа стояла, закрыв глаза, протянув руки к солнцу... В этот момент ее кто-то осторожно обнял за плечи. Яффа вздрогнула, и еще даже не открывая глаз, поняла, что вернулся домой сын...

Она обняла сына, прижалась к нему так крепко, словно боялась, что этот момент не встречи, а расставания. А расставаться с ним она не хотела никогда в жизни.

Они так обнявшись и вошли в дом. Первый вопрос был об отце. После подробного ответа, Аллан спросил о раненом крестоносце. Получил тоже удовлетворительный ответ и только после этого сказал:

– Имуш, я голодный как ... шакал! Давай все, что в доме есть.

– Как же, родной, я все приготовила. Я ждала тебя. Слава Богу, ты жив и здоров! Ешь и ложись спать. Я же понимаю, что война не окончена.

– Да, има, нам нелегко будет, но мы победим. Потому что не мы нападаем, на нас нападают. И это дает нам право для решительных действий.

Пока мать подавала на стол еду, Аллан вошел в комнату отца, чтобы удостовериться, что с отцом все хорошо. Да. Тут смертью не пахло. Отец хоть и прерывисто и тяжело дышал, но румянец на щеках говорил сам за себя. Умиравшие не бывают румяными... Отец спал...

Аллан вошел в комнату, куда мать определила раненого крестоносца. Парень уже проснулся. Он испуганно посмотрел на Аллана. Он же помнил, что именно этот человек спускался в ущелье и помогал выбраться иудею. А потом приказал вытащить из пропасти и самого Вито и даже приказал отправить его к себе домой на лечение. Кажется, что вошедший не имел плохих намерений, он даже улыбнулся слегка Вито. Потом постучал себя в грудь ладонью и сказал:

– Я – Аллан. – И показал пальцем на Вито.

– А ты?

Крестоносец моментально понял, о чем спрашивал его Аллан и ответил, показывая на себя здоровой рукой:

– Вито! Вито!

Аллан подошел к раненому парню и подал ему руку. Тот в ответ подал свою здоровую руку. Так они впервые пообщались. Нет случайных встреч! Всё где-то в хронике Акаши написано по пунктам. Если бы знал Аллан, как много раз будет Вито жертвовать своей жизнью ради его спасения, он бы улыбнулся, вспомнив, как сомневался, спасать ему раненого крестоносца или нет.

Глава 7. Война продолжается...

У Аллана не оставалось уже и минутки, чтобы навестить свою любимую Лею. Он тут же утром поспешил в порт. Однако отца успел повидать. Хадас пришел в себя. Он был еще слаб и едва нашел в себе силы улыбнуться сыну. Разговаривать Хадас еще не мог, грудь болела. Аллан понимал, что отцу интересно узнать исход битвы. И он рассказал, как потерял из виду отца во время боя, как нашел его в ущелье без сознания, всего окровавленного. Что он принял на себя командование отрядом после ранения отца. Потом рассказал отцу, как они похоронили крестоносцев, и что отряд принял решение поджечь флот крестоносцев. Что к утру отряд очистил от трупов пирс и сгорели все до единого парусника крестоносцев.

– Сынок, спасибо тебе! Ты заменил меня, не растерялся. Проявил себя как настоящий мужчина. Я тебе хочу отдать план пещер, которые находятся вдоль побережья от пирса вплоть до крепости крестоносцев.

Хадас говорил тихо, он боялся напрягаться. Сил не было. Он шепотом продолжал:

– В той комнате, где у нас тайник с оружием, лежат планы всех пещер на побережье. Завернуты в черный плащ. Слева. Иди возьми их. Они тебе пригодятся.

– Папа, я тебе хочу сказать что-то важное. Надеюсь, ты меня поймешь.

Хадас слабо пошевелил рукой, показывая знаком, что слушает сына.

– Пап, когда я спускался в ущелье, где ты лежал без сознания, там было еще двое крестоносцев.

– Да, я догонял их, и они свалились прямиком в ущелье. И я не удержался. Бежал, не глядя. Вот и свалился. И там я прикончил одного и ранил другого, а потом и сам потерял сознание. А второй, которого я ранил в руку, махал саблей и хорошо, что не смертельную рану мне нанес.

– Так вот, мы вытащили из ущелья того, который остался жив. Папа, ты бы видел, как он плакал и просил его спасти. Он повторял слово «мама» несколько раз. Я пожалел его и забрал к нам домой. Он ранен, у него поломана нога. Сейчас он в соседней комнате.

Хадас вытаращил глаза, он бы хотел что-то на эмоциях выпалить, но боялся, что снова откроется рана на груди. Поэтому только смотрел на сына и удивление читалось в его взгляде.

– Папа, я не мог его бросить, а тем более – убить. Когда идет сражение, другое дело. А так, когда он лежит передо мной раненый, совсем молодой мальчишка, плачет, и весь в крови. Это не по-человечески.

Хадас прошептал:

– Сынок, если ты так решил, значит так надо было. Жизнь человеческую так легко оборвать, а восстановить невозможно. Пусть живет парень!

– Спасибо, папа! Ты всегда меня понимаешь!

Аллан наклонился и поцеловал отца в щеку и сказал:

– Ты, пап, выздоравливай, а я должен идти. Сейчас только планы пещер заберу и побегу на пирс.

Аллан тут же покинул родительский дом, война не окончена. Дни осады города Акра не могли закончиться в одночасье. Обе стороны военных действий не собирались уступать. У каждой стороны была своя правда. Католики в лице крестоносцев вступали в войну с жителями палестинских земель на протяжении уже пятисот лет, мотивируя, что владеть святыней православия имеют право только они, а никак не иудеи и мусульмане. Другая сторона в лице христиан, мусульман и иудеев утверждала, что живут здесь эти люди уже тысячи лет и имеют прямое отношение к Иисусу и никак не меньше, чем католики. Никто не желал уступить. Поэтому и снаряжались крестовые походы один за другим.

Поход католиков на святую землю в 1190 году был третьим по счету. Сколько таких походов будет в будущем Аллан не знал, но понимал, что иудеи никогда не подчинятся крестоносцам и не сменят свою веру на чужую.

Сколько было уничтожено захватчиков в первый день отрядом Хадаса, не меньше нескольких тысяч, а сколько еще смогло пройти вглубь территории Акры, стремясь занять крепость. Война шла всеми доступными способами. В том числе и хитростью. В пределах видимости крестоносцев появлялся отряд иудеев, и начинал спешно отступать, его пытались преследовать. Вдруг иудеи как сквозь землю проваливались. В действительности, они уходили в землю, в пещеру. Крестоносцы в пылу погони не могли остановиться, ведь они слышали совсем рядом голоса иудеев. Как только крестоносцы спускались в пещеру, их тут же уничтожали, а вход в пещеру тщательно маскировали камнями.

Вскоре крестоносцы уже боялись вступать в такую рискованную погоню. И защитники могли иметь возможность выслеживать отряды крестоносцев на подступах к городу и уничтожать их также успешно.

Прошло два месяца осады города Акра. Хадас уже встал с постели, он стал чувствовать себя значительно лучше. Как только Хадас поднялся на ноги, тут же отправился в комнату, где находился Вито. Когда Хадас вошел в комнату, Вито дремал. Видимо, он почувствовал на себе чей-то взгляд, открыл глаза... Наверное, в первый момент парень испугался, так как он вспомнил этого человека. Это был тот человек, который вместе с ними двумя упал в ущелье. Там еще у них продолжалась борьба. Вито был ранен в руку, но и он нанес копьем иудею рану в грудь. Мужчина тут же потерял сознание, да и сам Вито на какое-то время потерял сознание от боли и потери крови.

И вдруг этот мужчина стоит на пороге его комнаты и пристально смотрит на Вито. Выходит, они ранили друг друга, потеряли оба сознание, отключились и, по воле судьбы, оказались в одном доме. Теперь и тот, и другой, несомненно, шли на поправку. Вито приподнялся на кровати, сел и испуганно смотрел на пожилого иудея. Конечно, поговорить они не могли, разные языки мешали им понять друг друга. Но есть язык жестов. Вито прикрыл грудь руками, и что-то пытался сказать Хадасу.

Все время, пока хозяин дома лежал и медленно выздоравливал, у него еще было чувство злости к тому парню, который лишил его здоровья на несколько месяцев. Видимо, было задето легкое, потому что Хадас долго не мог вдохнуть полной грудью. Но теперь он чувствовал себя значительно лучше. А сейчас когда он увидел перед собой еще в сущности мальчишку, а не зрелого воина, который шел в бой за принципы, вполне сознательно, как вот Хадас, например. А этот мальчик мог прибыть даже и не по своей воле.

Хадас просто стоял и смотрел на Вито, ничего не предпринимая и не делая никаких жестов. Тем больше волновался Вито. И Хадас это понял. Он просто подошел к парню и положил руку на его плечо. Вито сидел, не шевелясь. Потом Хадас неожиданно для себя погладил парня по голове и вышел из комнаты. Он и сам не понимал, откуда такое чувство сострадания к чужому человеку, да еще и причинившему вред его здоровью. Но что толку было бы от его гнева? Никакого!

С чувством благодарности подумал о своей жене. Ведь она знала, что ухаживает за человеком, который ранил ее мужа. Но она выхаживала этого мальчишка и проявляла о них обоих одинаковую заботу. И он даже слышал из своей комнаты, как Яффа что-то говорила парню, он отвечал ей, и слышался ее смех. Он не понимал, как они объясняются, на каком языке. И вот сейчас догадался, это язык души и сердца позволял им говорить что-то на разных языках и понимать друг друга.

Все-таки добрая душа у его Яффы. Сколько лет они вместе, и он каждый раз открывает в ней что-то новое и хорошее.

На следующий день Яффа решила своих выздоравливающих посадить за один стол и позавтракать вместе. Вито еще прихрамывал и опирался на палку, а Хадас не делал резких движений, дышал аккуратно и придерживал грудь рукой, как будто защищая свое тело. Яффа показала рукой в сторону мужа, сказала одно слово, глядя на Вито: Хадас. Вито закивал головой. Он понял. А Яффа теперь представила мужу парня и тоже произнесла:

– Вито.

Мужчины кивнули друг другу, и Вито улыбнулся. Он смотрел так виновато в глаза хозяина дома, в его глазах даже мелькнули слезы, и он встал из-за стола, склонил голову и низко-низко поклонился Хадасу.

Видимо, так много было сказано этим жестом, что Хадас тоже встал из-за стола, подошел к Вито и обнял его. У парня вырвалось из горла сдерживаемое рыдание, он тоже обнял Хадаса и сквозь рыдания сказал на иврите: Ани мевакеш лислоах... (Я прошу простить меня). Яффа тоже не могла сдержать слез и подошла к ним двоим и обоих обняла и сказала мужу:

– Это я научила его первым словам на иврите. Он сам попросил меня об этом. Да, он уже знает много слов на иврите. Он хочет быть полезным иудеям в их борьбе за свою независимость. Ну, давайте, мужчины, садитесь за стол. Я приготовила завтрак.

Хадас прятал глаза, в которых тоже были слезы. Но взрослый мужчина, один из самых уважаемых в городе, не хотел, чтобы мальчишка видел его слезы. Яффа подвинула к каждому из них медное блюдо, на котором были запеченные овощи и некрупные кусочки баранины.

Хозяйка дома улыбнулась, одновременно вытирая слезинки, и произнесла очень тепло, по-доброму:

– Давайте, мужчины, ешьте! У вас есть задача – быстрее выздоравливать и защищать святую землю.

С этого замечательного утра Вито приобрел вторую семью. Он не был уверен, сможет ли когда теперь увидеть свою маму-итальянку, но он успел полюбить маму Яффу не меньше, чем любил маму, подарившему ему жизнь. А мама Яффа спасла ему жизнь вместе с сыном Алланом. И он чувствовал душой, что Аллана он любит как своего самого родного брата. А его новый брат Аллан как раз в этот день и появился дома. Выбрал время, чтобы впервые за два месяца с начала войны забежать домой и узнать, как выздоравливают больные. Но нисколько не меньше его звала домой мама Яффа. Она постоянно посылала сигналы сыну. Ответ получала и понимала, что занят и не близко от дома. Но знала, что сынок жив и успокаивалась.

Мать чувствовала приближение сына, выскочила, обняла его и они вместе вошли в дом. В комнате сидели за столом Хадас и Вито. Мужчины мирно завтракали. Аллан подошел и обнял отца, а потом направился к Вито. Итальянец встал и сказал на иврите: Доброе утро, брат мой!

Аллан весьма удивился, но мама тут же сказала, что мужчины объяснились между собой. Никто не держит зла друг на друга. Но главное, что Вито просит простить его и дать возможность защищать палестинскую землю от крестоносцев.

Вито произнес свою самую главную фразу на иврите, которой он научился от Яффы. Он ей показал знаками. Она поняла и сказала ему эти слова на своем родном иврите, древнем языке иудеев. Вито обращался ко всем троим:

– Я вас всех прошу простить меня. Я хочу быть вам полезным. И хочу, чтобы вы верили мне, как своему сыну. Я вас люблю и благодарю за спасение моей жизни!

Аллан посмотрел на родителей и понял, что действительно за эти прошедшие пару месяцев этот мальчик стал им как родным. Даже у отца были радостные глаза. И Аллан сказал всем членам своей семьи:

– Ну что же, я рад пониманию. Принимаю Вито в нашу семью. Но откуда у него знание иврита?

– Сынок, это я с ним занималась ивритом, когда он не мог еще вставать. Он спрашивал, и как-то мы научились понимать друг друга. Сыночек, садись за стол, позавтракай с нами.

Аллан сказал:

– Имуш, завтракать я не буду, лучше я поспешу к Лее. Я ее не видел с самого начала войны. Сейчас у меня мало времени.

Поцеловал маму и выскочил из дома.

Лея была так рада неожиданному приходу своего любимого, что заплакала от радости. Хоть она и ждала его каждую минуту и дни проводила на крыше, но вот все равно он вошел неожиданно. Она бросилась на шею Аллану. Они поднялись на крышу, сели на скамеечку. Девушка не могла насмотреться на своего Алланчика. А он совсем повзрослел, борода была более густая, он совсем почернел от загара. И выглядел теперь совсем взрослым мужчиной. Но таким он ей нравился еще больше.

Лея гладила лицо Аллана своими тонкими и нежными пальчиками, и говорила ему самые ласковые и теплые слова. Через несколько минут Аллан встал и виновато произнес:

– Лея, я больше не имею ни минуты времени. Мне нужно бежать. Я очень тороплюсь...

Последний раз поцеловав свою красавицу Лею, Аллан спустился вниз и поспешил к своему отряду. Лея еще долго смотрела вслед уходящему Аллану и вытирала слезинки. И просила Бога хранить ее любимого...

С этого дня Яффе стало намного легче управляться с двумя выздоравливающими мужчинами. Они подружились между собой. И теперь Вито стал все время проводить с Хадасом и помогать по хозяйству Яффе. Он был почти здоров. Оставалась еще одна проблема – он должен освоить более-менее иврит, чтобы смочь участвовать в боевых действиях. Так что все время отдавалось освоению новых слов.

Прикасаясь к чему-либо, Вито вопросительно смотрел на Яффу или Хадаса, и тут же получал название на иврите. Так активно шло изучение нового для него языка. А попутно уже шло обучение письму на иврите. Вскоре он должен был уйти в отряд к Аллану.

Прошло еще чуть более месяца, Вито был уже здоров. Нога позволяла ходить без палочки. Раненая рука не напоминала о себе болью. Он стал своим в семье Хадаса. Его память отлично усваивала новый язык. Говорил он почти свободно и всякий раз утро у него начиналось с того, что он входил в комнату, где уже были Хадас с

Яффой, делал поклон и говорил примерно одни и те же слова:

– Господь мой, Иисус Христос! Спасибо тебе, что ты разрешил моему брату Аллану сохранить мне жизнь! Что я встретил своих вторых родителей. Спасибо Хадасу и Яффе за терпение и заботу обо мне. Спасибо вам за добро и любовь!

Позвольте мне сказать вам, как я вас люблю. И я готов отдать свою жизнь за вас и Аллана.

Делал поклон в сторону Яффы и Хадаса. Они всегда смеялись и говорили, что кланяться не надо. Они давно уже не считают его чужим человеком. Он – член их семьи.

Однако ни у Хадаса, ни у Яффы язык не поворачивался называть Вито своим сыном. Ну, никак не поворачивался...

Наступил день, когда на минутку домой заскочил Аллан навестить родителей. Вито радовался как ребенок, не отходил ни на минуту от Аллана и просил его взять с собой в отряд. Аллан глянул на отца. Тот взглядом ответил сыну, что взять можно, но доверять всецело – рановато. Сын понял молчаливый ответ отца и сказал:

– Ну что же, Вито, если ты хорошо себя чувствуешь и хочешь снова в пекло боев, тогда собирайся.

Яффа с Вито ушли подбирать ему одежду. А Хадас сказал Аллану:

– Сын, хорошо бы использовать Вито как разведчика. Он может незаметно подбираться близко к их лагерю, слушать, и вы будете знать о планах врага. И заодно присматривайся к парню. Держи его поближе к себе. Он должен свою преданность подтверждать делом. Всегда помни: слова остаются лишь словами, если на деле не подтверждены Ты мне дороже собственной моей жизни. Помни об этом.

Да! Я думаю, что скоро тоже встану в строй. И буду воевать.

– Папа! Ты если встанешь в строй, то только в управление отрядами. Нам нужны умные люди.

Отец крепко обнял сына, Аллан не мог оторваться от матери, он так отчаянно скучал по ней. Такой духовной близости с матерью желал бы каждый сын, да не каждому это дано... Аллан с Вито ушли, и снова остались Яффа с Хадасом вдвоем. Они так мечтали об окончании военных действий, ждали свадьбу сына и появления внуков.

Правда, Хадас через несколько дней уже вышел на боевую службу. Его отправили в штаб армии обороны Акра. Там он уже чаще видел сына. Как-то спокойнее, когда Аллан у него на глазах.

Глава 8. Сынок, отзовись!...

На войне – как на войне... Не расслабишься. Были победы, но были и потери. Каждого погибшего своего воина защитники Акры оплакивали и еще с большей решимостью бросались в бой на защиту своей земли.

Вито был все время рядом с Алланом. Не пришлось даже долго ждать доказательств его преданности семье Аллана и самому Аллану. Первые две-три недели Вито с другими бойцами ходил в разведку. В первый же день они принесли важнейшую информацию. Готовилось наступление там, где защитники Акры совсем не ожидали. Были приняты контрмеры и около 500 крестоносцев были нейтрализованы без потерь со стороны защитников святой земли. И во всем этом помог Вито, знавший язык захватчиков. Аллан внимательно смотрел на реакцию Вито. Но страданий от потерь итальянских рыцарей он не заметил на лице парня.

Карта пещер хранилась в управлении отрядами. Надо сказать, Аллан выучил наизусть все закоулки и повороты. И он представлял их очень даже реально, хотя во многих из них не бывал никогда.

В одной из разведывательных вылазок в тыл врага случилось непредвиденное. Аллан с группой разведки, в состав которой входил и Вито, находились целых полдня буквально рядом с большим отрядом крестоносцев. Вито переводил все до последнего слова с итальянского на иврит. Он понимал, что здесь важно любое слово, любая мелочь... Прошло достаточно много времени. Когда группа разведчиков собиралась покинуть свое укрытие, крестоносцы вдруг решили подняться в горы и осмотреть окрестности.

Пришлось срочно покинуть укрытие, а тут как раз рядом оказался замаскированный вход в одну из пещер. Итальянцы и не подозревали, что рядом с ними находятся их враги, а еще более им не приходило в голову, что тут целый лабиринт пещер и естественного, и искусственного происхождения. И это все в самой непосредственной близости крепости, где крестоносцы пытались закрепиться, но отряды защитников не давали им этого сделать. В этих местах часто происходили бои.

Аллан приказал всем быстро опуститься в пещеру и хоть как-то закрыть лаз камнями. Крестоносцы, помня о тысячах своих бойцов, не вернувшихся из пещер, уже не рискнули кинуться вдогонку за отрядом разведчиков. Разведчики ушли достаточно вглубь пещеры, решили осмотреться и понять, где они могут выйти на поверхность и добраться до своего лагеря. Аллан пытался восстановить в голове план пещеры, но именно этого места он не мог припомнить. Повороты, понижение и повышения уровня именно такого рельефа Аллан не мог вспомнить. Это уже стало проблемой.

Опасность для жизни в пещерах была всегда. Двигались в полной темноте, а идти приходилось медленно, проверяя палкой, нет ли где пропасти, из которой никогда уже не выбраться. Когда Аллан бывал хоть раз в какой пещере, он в памяти укладывал все по каждому метру движения. Но тут... места были неизвестные. На плане эта пещера не была отображена.

Аллан никому не разрешал отрываться от группы, иначе можно потерять своих людей. А для него самой главной ценностей всегда являлись люди. Старались двигаться спокойно, без паники. Паника – прямой путь к смерти. Разведчики устали. Аллан понимал, что должен разрешить ребятам уснуть на пару часиков. А сам с Вито остался бодрствовать. Они решили проверить, нет ли где прохладной струи воздуха, может, сквознячок где почувствуют. Но... ни сквозняка, ни намека на выход нигде не было.

Вито сел рядом с Алланом и сказал:

– Брат, мне не страшно умереть в пещере. Мне только страшно представить, как мама Яффа будет страдать, что ты не вернулся. Она умрет от горя.

Аллан подпрыгнул на месте. Ему казалось, что он полный идиот, что не подумал в этот трудный момент о маме. Но именно от мамы и должна прийти помощь. Никто ведь не знал, что у него с мамой необыкновенно сильная связь, что она может услышать его на расстоянии.

Аллан сосредоточился, сконцентрировал свою силу воли, и, хотя он был ужасно уставший, послал маме сигнал такого содержания:

– Мама, помоги мне. Я под землей, в пещере. Не могу выбраться. Мама, помоги мне, помоги мне...

Он большим усилием воли посылал и посылал матери одни и те же фразы.

Наверху была глубокая ночь. Яффа даже спать не могла. Все мужчины ее семьи были на войне. Какой же ей покой. Она то и дело посылала сигнал сыну, чтобы понимать его состояние. Не ранен ли, жив ли ее любимый сынок Алланчик. Она не знала секретов прохождения ее сигнала и каким образом возвращается к ней обратно посланная ею волна с ответом. Жив, бодр или устал.

Последние полсуток она не могла достучаться до него и покой исчез, оставив ей такую ужасную тревогу, что она металась по комнатам, как раненая птица, натываясь на стены, на двери. Выйдет на улицу, посмотрит на звезды... И через звезды пытается послать сыну сигнал. Ответа не было. Почему-то ей захотелось подняться на крышу своего дома, как бы подняться над землей и оттуда, сверху, послать сыну сигнал через звезды. Так она и сделала... Ее начало лихорадить. По спине ходил мороз, хотя ночь была теплая и сухая. Этот симптом вызвал еще большее волнение, поскольку появление холода в спине – подтверждение контакта. Значит, сейчас она может поймать сигнал Аллана.

И ведь она его поймала! Очень слабый, еле слышный голос Аллана произносил одну и ту же фразу: -Мама, помоги мне, помоги мне, помоги мне...

Яффа, напрягаясь изо всех сил, как будто выстрелом отправляя в неизвестную даль свое мысленное послание, спросила:

– Сынок! Слышу тебя! Где ты, где ты?

Ей в ответ донеслось слабо, очень слабо:

– Мама, под землей, в пещерах. Нас тут двадцать человек. Не могу найти выход.

– Где примерно? В сторону крепости или ближе к порту?

– Мама, ближе к крепости.

– Сынок, держись! Ты только слушай мои послания. Слушай мои сигналы. Я буду действовать.

– Жду, мамочка. Я тебя очень люблю!

Яффа заплакала. Звезды смотрели на нее, яркие и красивые. Такими она их видит с детства. И она обратилась к Всевышнему, глядя на звезды:

– Господь! Всевышний! Ты один хозяин на всем свете! Спаси моего сына и людей, которые с ним в пещере! Господь! Услышь меня! Я как женщина-мать, спасала чужого ребенка, того, который ранил моего мужа. Я полюбила его как своего сына. И он сейчас тоже в той же пещере. Помоги, мне, Господи, помоги! Умоляю тебя!

Бедная Яффа, не помня себя, сбежала вниз, одела накидку и побежала в сторону порта. Ей надо было увидеть хоть кого-нибудь из защитников, чтобы немедленно передать Хадасу, что надо спасать сына. На ее счастье, она увидела несколько воинов, собирающихся на небольшой лодочке отправиться по побережью в свой штаб. Вот там как раз и был Хадас. Она изо всех сил торопилась, ведь рассвет только наступал. В полумраке люди садились в лодку. Она кричала и старалась кричать как можно громче, чтобы они ее подождали.

Яффе повезло. Правда, неизвестно, ей ли одной повезло, или всей группе, заблудившейся в пещере, без пищи и уже теперь, наверное, без воды. Прошло двое суток, как отряд Аллана не вернулся с задания.

Как только Яффа увидела Хадаса, она уже была обессилена от волнений. Но связно рассказала о том, что Аллан заблудился в пещере со своей группой в двадцать человек. Хадас очень удивился, откуда она знает, что Аллан ушел в разведку, что группа состоит из двадцати человек. Яффа ответила:

– Он мне сам об этом сказал.

– Когда?

– Вот недавно, час назад. Он просит помощи...

Хадас ничего не мог сказать, глазами он моргал, а язык не подчинялся ему. Они уже отправили на поиски группы Аллана сотню бойцов. Но нигде не обнаружено даже следов разведчиков.

Яффа, наконец, поняла, почему Хадас так ошарашенно смотрит на нее и не может произнести ни слова. Он же никогда не слышал и не знал о безмолвных переговорах сына с матерью.

Мать вместо слабой и взволнованной женщины превратилась в командира со стальным голосом.

Она четко и твердо сказала Хадасу:

– Быстро собирай отряд для поисков. Я пойду с ними. Быстро давай сюда карту пещер. Я помню, она хранилась у нас дома, потом Аллан ее забрал. Где карта сейчас?

Хадас молча протянул ей карту пещер. Она расстелила на столе свиток из телячьей кожи и попросила показать ей, куда направлялась группа Аллана. Хадас показал на плане это место.

Она строго глядя на мужа, спросила:

– Есть ли там входы в пещеры?

Хадас показал. Яффа как настоящий военачальник рассматривала карту.

– В какую из пещер могли спуститься разведчики?

– Вот в эту или эту.

– Давай смотреть, куда они могли пойти и где заблудиться. И почему эта пещера не нанесена на план.

Яффа в ожидании поисковой группы снова пыталась войти в контакт с сыном. Она послала ему сигнал такого содержания:

– Выходим с поисковой группой. Я буду с ними. Буду связываться с тобой постоянно.

– Мама, слышу, все понимаю.

– С собой у нас план, будем вести вас сверху. Ты только слушай мой голос. Только держитесь. Ждите. Мы выходим.

Наступило утро, время летело так быстро, что солнце было почти уже в зените. Группа вместе с Яффой и Хадасом достигли того места, где они могли спуститься в пещеры. Опасность была еще в том, что они могли попасть под огонь крестоносцев. Яффа часто садилась на землю и посылала сигнал сыну. Наконец, сигнал от него пришел четкий. Он был где-то поблизости! Это было уже путем к успеху.

Мать не чувствовала ни усталости, ни волнения, ничто ее не трогало. Она была как робот. Автоматически действовала наилучшим способом.

Она села на камни и послала сигнал:

– Сынок, отзовись, родной!

– Мама, слышу тебя отлично!

– Мы с отрядом над вами. Сейчас, чтобы выйти на поверхность, вам надо идти немного вперед. Там будет развилка, направо повернете и пойдете аккуратно. Будет спуск пещеры. Если будет вода, идите все равно. Потом будет подъем. Снова направо. Вы сейчас пойдете и мы будем идти, но ты постоянно отвечай мне.

Так две группы людей, одна из которых шла в полной темноте по пещере, а вторая группа людей карабкалась поверху, прыгая с камня на камень. И Яффа постоянно садилась на землю и разговаривала с сыном. Она шла как одержимая. Прошел день. Солнце почти опустилось в волны. Яффа просила Бога помочь выйти сыну и его группе засветло. Ведь в горах ночью они не смогут быстро двигаться. А зажечь факелы – это стать легкой добычей крестоносцев. Уже наступили сумерки. До выхода из пещеры оставалось идти не более получаса. Яффа так и сказала сыну.

– Потерпите полчаса. Скоро будет выход из пещеры. Смотрите его справа. Выходить надо аккуратно. Выход в скалы, нависающие над морем. Можете упасть. Будьте аккуратны.

Слышали они друг друга прекрасно. Потому что Яффа вела отряд строго над пещерой, по которой двигался Аллан с группой. Наступила полная темнота, ночь вступила в свои права. Но на помощь людям выступила Луна. Она поднималась над горизонтом медленно и важно. Пусть медленно, зато хорошо освещала горы.

Группа Яффы приблизилась к выходу из пещеры. Бойцы отодвинули камни, загораживающие выход. Это была необходимая маскировка. Группа Аллана могла бы разобрать эти камни изнутри, но люди были обессилены, поэтому сверху для них быстро освободили выход. Ждали группу в полной темноте.

Наконец, послышались шаги и тяжелое дыхание группы людей. Никто не кричал, и не подавал о себе знак громким криком. Все было в полной тишине. На войне – как на войне! Молчание – золото! Группа по одному поднималась на поверхность из пещеры. Поднялись все двадцать человек. Двадцатым шел Вито. Когда все члены группы Аллана поднялись на поверхность, появился и Аллан. И мать молча приблизилась к сыну, упала в его руки и тихо заплакала. Даже громко плакать, причем от радости – непозволительная роскошь.

Аллан молча обнимал мать и положил свою голову сверху на ее голову. Так он устал, что говорить не было сил. Да и о чем говорить! Они без слов понимали с мамой друг друга! Какое счастье иметь такую мать! Наконец, мать отпустила Аллана, и к нему подошел отец, который только что обнимал Вито. Теперь Яффа обняла Вито, а отец – Аллана. Потом Яффа подошла к каждому бойцу разведотряда, обняла каждого и поцеловала. Она спасала их всех и каждого из них, как своего собственного сына. Счастливая ночь! Спасибо, Господь, ты не оставляешь нас, своих детей! Ведь мы все-твой маленькие частички!

Все в полном составе тихо и без слов продолжили спуск с горы и вскоре подошли к порту. А оттуда до дома – рукой подать. На ночь Хадас разрешил всем разойтись по домам. Утром – сбор в порту.

Хадас с женой и сыновьями добрались, наконец, до дома. Как-то без особого аппетита поели и, на ходу засыпая, разошлись по комнатам. Яффа зашла в комнату к Аллану, поцеловала его, спящего. Затем зашла к Вито. Он на удивление еще не успел заснуть. Он схватил Яффу за руку, прижал ее руку к своей щеке. Его лицо было мокрым от слез. Он тихо спросил на иврите:

– Можно я буду называть тебя мамой?

Яффа склонилась к нему, поцеловала также, как только что чмокнула в щечку Аллана, и сказала с теплотой в голосе:

– Сынок, конечно, можно! Ты доказал свою преданность нашей семье и нашему народу. Спасибо тебе, сынок! Ложись сейчас спать, уже почти утро! А вам утром надо быть в порту.

И только тут отправилась в свою супружескую спальню. Хадас лежал на кровати. Он явно был взволнован настолько, что ни о каком сне не могло быть и речи. Он сегодня увидел свою жену совершенно в новом свете. Ее необычные способности, да и Аллан... Они как не из этого мира. И он сказал Яффе:

– Как это возможно, что вы с Алланом слышите друг друга на расстоянии? И почему с дочками такого нет?

И Яффа, уже совершенно сонная, автоматически ему ответила фразой, которую он не мог ни понять, ни осознать:

– Да на Сириусе мы с ним тоже так разговаривали, без слов... Мы с Алланчиком много раз живем вместе. А с дочками... первый раз живем в одной семье...

И заснула у него на руке. Хадас не решался даже рукой пошевелить, чтобы не разбудить жену. Уже наступал рассвет. А он все думал:

– Надо спросить жену, где это на Сириусе... В Палестине вроде нет такого поселения-Сириус...

Глава 9. Счастье мирных дней

Еще прошло несколько месяцев войны и тяжелой осады города Акра крестоносцами. Но велико желание народов жить свободными. Безрезультатным оказался этот крестовый поход. Акра осталась свободным городом, в котором спокойно жили и арабы, и иудеи, и христиане. Их святыни часто стояли на одной площади. И всех это устраивало. Ведь все равно Бог един. И все это понимали. Только вслух об этом говорить не принято было.

Велико горе тех, кто потерял своих сыновей, мужей или отцов в борьбе за защиту своей свободы. Пройдут века, пока исчезнут колонии, исчезнут рептилоиды, мечтающие об управлении всей планетой Земля. Пока во Вселенной существуют светлые добрые силы, столько будут и черные силы пытаться управлять людьми...

Не бывает худа без добра.

А пока люди оплакивали своих близких, погибших в справедливой борьбе, которых они никогда уже не смогут обнять. И радовались свободе. Пусть даже не века свободной жизни, пусть это будут годы, но – свобода... За нее стоило отдавать жизни. Тысячи лет страданий еврейского народа, стремление иметь свою землю. Это право они отстаивали лишь спустя девять веков с момента описываемых событий. В 1948 году образовано независимое еврейское государство – Израиль. В котором возродили древний иврит. Древние рукописи, возраст которых более тысячи лет, сейчас может прочесть любой школьник.

Но тогда, почти девять веков назад никто из иудеев этого не знал. Их жизнь всегда была беспокойной, надо было защищать свои семьи от многих желающих жить за чужой счет. Вот почему даже в современном государстве Израиль детям разрешается абсолютно все. Нажимать все кнопки на всех аппаратах во всех офисах, магазинах, на почте. Ломать папин телефон, или прыгать, скакать... Никто не делает замечаний. Почему? Потому, что неизвестно, что придется испытать этому ребенку в будущем. Какой будет его жизнь. Сколько суждено ему прожить, ведь в армии обороны Израиля служат и юноши, и девушки. Сколько лет вообще продлится покой, без войны и агрессии. Страдания присутствуют всю жизнь. Но всю жизнь иудеи не теряют оптимизма и радости от жизни.

Мирная жизнь в городе Акра стала налаживаться. Шел 1191 год.

Нельзя описать словами, как много выстрадала Лея, как она молилась за здоровье своего любимого Аллана. Это была ее первая любовь и, как она надеялась, последняя. Никого она не хотела видеть рядом с собой, только Аллана. Девушка каждую свободную минуту проводила на крыше. Ей хотелось первой увидеть возвращающегося с войны любимого. За восемь месяцев войны Аллан забегал на минутку всего три раза. Пять минут... Но они не могли нарадоваться друг другу. Несколько слов, горячий поцелуй – и Аллан убежал. Она с каждым его приходом видела, как он быстро вырос. Отпустил небольшую бородку и усы. Все это настолько украшало его румяное красивое и загорелое лицо, что Аллан казался ей богом, спустившимся с небес!

Лея молила Всевышнего, чтобы Аллана не настигла никакая вражья пуля и острый клинок. Она как талисманчик держала в руках жемчужное ожерелье, подаренное ей Алланом. Ведь это ожерелье хранило прикосновения его рук.

Но за Аллана молилась также и Яффа, его мать. А ее материнская молитва летела прямо к Богу. Вот так любовь женщины спасает мужчин на войне...

Наконец, настали мирные дни. Аллан тут же организовал поход к родителям Леи. А вскоре зазвучали поздравления на свадьбе. Все торжество проходило в синагоге, торжественный ритуал был соблюден до мельчайших деталей. Рав провел красивейший обряд. Влюбленные не отводили глаз друг от друга. Счастье их было так велико, что даже муже-

ственный Хадас прослезился от радости за сына. А Яффа и вовсе даже не пыталась скрыть слезы радости и счастья...

Прошло семь лет. Торговое дело взял в свои руки Аллан. Хадас с Яффой уже не хотели ничего слышать, кроме того, что во дворе их дома бегала кудрявая малышка, названная в честь мамы Яффы – Аяла. Древнее еврейское имя. Мама Яффы заслужила память потомков в имени своей правнучки. Дедушка с бабушкой никому не доверяли внучку, и кормили, и спать укладывали. А иначе и быть не могло. Потому что Лея и Аллан не расставались ни на минуту. Работали вместе и вместе возвращались домой. Потом появился внук – Хаим, что в переводе с древнего иврита означает – жизнь. Второй любимец бабушки и дедушки. Не сказать, что они не любили внуков и внучек от своих трех дочерей. Они любили всех. Но особая связь существовала у Яффы с Аланом, а теперь такая же устанавливалась с его детьми. Что тут сказать! На Сириусе это уже было. И там Яффа была счастлива тоже...

Вито жил в доме Хадаса и Яффы. Он работал вместе с Алланом. Набирался ума и опыта в торговых делах. Он уже ничем не напоминал того мальчика, который вступил в войну, и пострадал как без вины виноватый. Теперь он превратился в высокого стройного мужчину, с красивой густой кудрявой шевелюрой и аккуратной бородкой. Жгучая итальянская кровь давала о себе знать. Они с Алланом считали себя братьями и так друг друга называли. Вито никак не хотел жениться. Говорил, что еще не выбрал невесту, хотя девушки заглядывались на него и любая мечтала бы выйти за него замуж.

Время было сравнительно спокойное. Все жители города Акра понимали, что покой на этой земле – явление временное и радовались жизни. Подрастали малыши Аллана и Леи. Они были такие забавные и умненькие. Теперь уже Аллан держал на руках своего младшенького, чтобы тот слушал взрослые разговоры, переговоры с купцами. Он помнил, как ему уютно было прижаться к теплой отцовской груди, свернуться на руках у папы в теплый комочек. Ему было приятно сквозь сон слушать, как умно и деловито держался его отец с людьми, которые имели с ним торговые дела. Было приятно, что отцу доверяют, его уважают. И, как видел Аллан, между купцами заключался устный договор, все пожимали друг другу руки, и дела велись с учетом данного слова. Теперь и сам Аллан также вел свои дела. Хаим подремывал у отца на руках. И такое это было счастье, что у Аллана сердце таяло, и хотелось даже заплакать от радости.

Этой весной Лея почувствовала себя отвратительно, ее тошнило, кружилась голова... И вскоре причина стала ясна: в семье ожидалось пополнение. В любое время, во все века люди радуются, когда в семью должен прибыть их самый маленький и родной человечек. А человечков родилось сразу двое! Мальчик и девочка. Хадас с Яффой теперь уже были вовсе не молоды, но активно участвовали в воспитании внуков.

Поскольку время было мирное, Аллан решили с Вито снарядить корабль и отправиться за товарами в Италию. Да, и свои товары продать – тоже достойно купца Аллана. Естественно, сам Аллан теперь уже не собирался в поход. Его представителем был Вито. Итальянец Вито был уроженцем острова Сардиния. Там осталась его семья. Двенадцать лет Вито ничего не знал о своих родителях. Его братья и сестры теперь уже, конечно, выросли. Он мог бы встретиться с ними и не узнать. Так много времени прошло.

А тут вдруг Аллан решил снарядить корабль с пряностями. С плодами фиников, которые ценились во все времена по причине их пользы для здоровья людей. В Италию везли медь, которую добывали неподалеку от Красного моря. Там были медные рудники, и иудеи знали толк в этом промысле. Да, и много чем можно было порадовать итальянцев. Из Италии можно было привезти и вооружение для армии защиты. На земле малой Азии армия защиты никогда не расслаблялась. Так было уже сотни лет. Всегда находился кто-то, желающий прийти сюда и собирать дань... Так же в планах Аллана была закупка пшеницы.

Вскоре судно было загружено товарами. Вито укомплектовал команду молодыми мужчинами, которые были в отряде Аллана и вместе сражались с крестоносцами. Это были верные и преданные парни. Парусник был готов к выходу в дальнее плавание. Гребцы – молодые и сильные мужчины, ловко управлялись в штиль с веслами и в ветерок – с парусами. В море не бывает спокойно никогда. Море требует повышенного внимания. Но не только бушующие волны угрожали суденышкам, в одиночестве пересекающим огромные водные пространства. Тут еще была опасность от пиратов. Поэтому с собой на паруснике Вито загрузил максимум оружия. Да и команда состояла из людей, умеющих защитить себя.

Наступил день выхода в плавание. Яффа с Хадасом так волновались, что бедная женщина уже с утра была с головной болью, она в слезах провожала Вито на пирс. Хадас поддерживал Яффу с одной стороны, а с другой стороны ее держал под руку Вито. Все делали вид, что им весело. Одна Яффа не могла сдержать своих слез. Ведь за это время Вито стал ей совсем как родной. Конечно, между ними не было такой телепатической связи, как с Алланом, но они так любили друг друга, что вся семья Хадаса теперь страдала из-за предстоящей разлуки с итальянцем, принявшим даже иудейскую веру. Хотя все понимали, что Бог у них на всех один. Но молиться Вито ходил в синагогу и носил постоянно кипу. Он обрел вторую семью, которая ему была дорога также, как и та, в которой он родился и вырос.

Последние объятия, слова напутствия и пожелания быстрее всего возвращения и парусник с названием «Яффа» медленно отошел от пирса. Семья стояла на берегу до тех пор, пока парусник не скрылся за горизонтом. И уже в полной темноте все вернулись в дом. С малышами оставалась младшая из трех дочерей – Нати. Она как раз гостила в доме родителей и осталась в доме с малышами, когда все ушли на пирс провожать Вито. Все пытались справиться с грустью. Разлука должна быть не менее пяти месяцев, а то и больше.

Так потянулись дни за днями. Прошло уже полгода, а от Вито не было вестей. Да, и какие вести могли быть с открытого моря, где никого можно не встретить годами. Так и судно могло исчезнуть бесследно в морской пучине по самым разным причинам.

Хадас с Алланом часто без слов смотрели друг на друга. Ни один из них не решался озвучить вслух свои горькие мысли...

Хадас старался помогать сыну в купеческом деле. Лея не могла теперь оставлять своих четверых детей на попечение Яффы. Близнецы еще были совсем

крохотными. Прелестные детки... И назвали их самыми красивыми и радостными именами. Мальчика нарекли именем Максим, что в переводе с иврита означает удивительный, восхитительный. А девочке дали имя Кохава – звездочка...

Яффа, хоть и старалась не показывать своего отчаяния, но все видели, как она горько плачет каждый день. Ее сердце чувствовало беду... Меньше всего она думала о том, что Вито мог их предать. Яффа хорошо разбиралась в людях. Она видела, как ее мальчик Вито вошел к ним в дом, как стал им родным. Она помнила, как он впервые назвал ее мамой после возвращения из пещер, когда Яффа спасла всю их группу. Сейчас она как будто слышала горестные слова Вито, как он переживает, что не оправдал доверие Аллана. Да, случилось что-то ужасное! Успокаивало лишь то, что она чувствует Вито живым и здоровым. А поскольку жив, значит жива и надежда!

По истечению года по молчаливому уговору перестали вспоминать об исчезнувшем Вито. Каждый в семье держал свою боль в душе. Так медленно потянулись год за годом. Грустно было на душе у взрослых...

Но малыши не знали о проблемах и бедах взрослых, росли быстро, детство их было радостным и беззаботным. Аяла росла на редкость красивой и умной девочкой. Очевидно, девочка в генах получила самые лучшие качества своих родителей.

Хаиму исполнилось восемь лет. Смысленный и подвижный мальчишка, он любил находиться все время рядом с отцом и дедом. Поэтому мама Лея даже не волновалась, когда мальчика не видела в доме. Значит, уже убежал в магазин к отцу.

И магазине он не бездельничал: все время пытался быть полезным отцу и деду. Он ведь с детства слушал взрослые разговоры отца с другими купцами, подремывая у отца на груди. В свои восемь лет он понимал, как важно вовремя прийти на помощь любому человеку в их городе Акра. Например, собирается жениться сын их соседа, значит нужно все подготовить для проведения свадьбы. И уже Хаим бежит с приглашением для соседа посетить их магазин, где будет не только приготовлено все необходимое для свадьбы, но и подарок от купца Хадаса молодоженам. Вот в такой душевной и доброй обстановке рос Хаим.

А годы летели кажется и быстро, но Хадас со своей любимой Яффой уже не были такие сильные и молодые. Их головы побелели, Хадас был в магазине теперь изредка, и дорога туда ему казалась вдвое длинней, чем еще двадцать лет назад. Яффа все не теряла надежды увидеть Вито живым и здоровым. Но... весточки не поступило ни одной... Душа Яффы болела так, как будто Вито был ее кровным ребенком. Ведь она приняла его и считала теперь своим родным, как и Аллана.

Прошло еще несколько лет.

Сегодня в доме Хадаса огромный праздник. Его внучке Аяле исполнилось семнадцать лет. Во дворе под оливой накрыли стол. Собралась вся семья. Лея суетилась во дворе, накрывая на стол и улыбалась про себя. Она была так счастлива, как если бы это ей сегодня исполнилось семнадцать лет. В памяти хранились все счастливые моменты ее семейной жизни. И каждое новое утро своей жизни она начинала с благодарственной молитвы Всевышнему.

Она чувствовала себя самой счастливой женщиной в мире.

На этот праздник прибыли и три дочери Яффы и Хадаса со своими мужьями и детьми. Да и дети Леи и Аллана тоже представляли собой целую группу жизнерадостных и крепких подростков. Хаиму недавно исполнилось уже четырнадцать лет. А близнецы Максим и Кохава скоро будут праздновать десятую годовщину своей жизни.

Во главе стола восседали дедушка Хадас с бабушкой Яффой. Это были уже почтенные старики. На противоположной стороне стола были места Аллана и Леи. И вокруг расположились многочисленные родственники. За большим столом оставалось пустым лишь одно место – именинницы. Ритуал празднования не нарушался никогда. Если праздновался день рождения девочки, то ее к праздничному столу выводил папа, если именинником был мальчик, то его выводила к гостям мама. Казалось бы, что за огромный праздник? Растет, взрослеет девочка...

Но... Вот так ребенку показывали, как он важен для своей семьи. Как все рады, что выросла красивая умная девушка. И правда, Аяла именно такой и выросла! Красота ее была так гармонична. Похоже что девочка взяла все самые лучшие качества своих родителей. Кожа смугловатая, с загаром. Однако румянец пробивался и сквозь загар. Глаза большие с длинными пушистыми ресницами. Причем, глаза были блестящие, и казалось, всегда с лукавым прищуром. Ее улыбка была доброй, девочка старалась всем помочь в доме. У мамы она была первой помощницей в домашних делах. А бабушка Яффа души не чаяла в своей любимой внучке. Они частенько сидели вдвоем и о чем-то душевно беседовали. Все понимали, что мешать им нельзя. Бабушка имела большой непререкаемый авторитет в своей семье.

Итак, Аллан пошел в дом, чтобы вывести к гостям свою повзрослевшую дочь. Девушка явно волновалась. Хотя она видела этот обряд неоднократно, но с ней это произойдет сегодня и только один раз в жизни. Аллан увидел дочку, она стояла посреди комнаты, и он даже замер... Ему показалось, что он увидел Лею, так дочка была похожа на маму в юности! Девушка была одета в розовое шелковое платье в мелкий белый цветочек. Это платье было

на Лее, когда она встречала своего любимого из дальнего плавания. И вот это платьице украшало теперь его красавицу – дочь... Густые локоны спускались на плечи, а в волосах был золотой ободок.

Аллан подошел к дочке, обнял ее, поцеловал ее в щечку, поздравил ее с днем рождения и сказал с улыбкой:

– Доченька, как ты незаметно выросла, стала совсем взрослая! Пойдем к гостям! Все будут радоваться твоему празднику.

Через минуту гости увидели красавицу Аялу, которую вел под руку Аллан. Девушка так волновалась, что даже слезы выступили на глазах... Все гости и члены семьи встали и стоя приветствовали именинницу. Бабушка Яффа вышла из-за стола, подошла к внучке, сняла со своей руки золотое колечко и надела на пальчик внучки.

– Дорогая моя внученька, Аяла! Ты выросла. Сегодня тебе исполнилось семнадцать лет. Как принято в нашей семье, мы с дедушкой дарим тебе колечко, которое переходит из поколения в поколение. Мне его подарила мама Хадаса на свадьбу. Теперь к тебе придет любовь, и мы выдадим тебя замуж за хорошего достойного человека. Это колечко на пальчике твоём говорит о том, что ты уже взрослая и открыта для любви и создания семьи. Мы желаем видеть тебя счастливой и здоровой. Сегодня для тебя открывается новая жизненная дорога. Ты выросла и стала взрослой девушкой...

Девушка от волнения даже прослезилась. Она видела это колечко на руке у бабушки. И сегодня она сняла его и надела на пальчик внучки. Вот оно, пожелание счастья! Девушка еще никого не любила и даже не выделяла никого из молодых парней. Для нее пока что были все одинаковы, и сердце не билось птичкой в смятении.

Вслед за бабушкой Яффой к имениннице вышла мама Лея. Она подала дочке аккуратную шкатулочку, и попросила ее открыть. Аяла осторожно взяла в руки перламутровую шкатулку и открыла крышечку. Внутри лежало жемчужное ожерелье. – Детка, родная наша доченька Аяла! Это наш с папой подарок тебе на день, когда ты перешла из детства в другое, более взрослое, состояние. Вот это ожерелье мне подарил папа, когда сделал мне предложение. Мы с ним счастливы. Ожерелье было на моей шейке уже почти двадцать лет. Оно было счастливо вместе со мной. Теперь мы с папой хотим, чтобы оно сделало и тебя счастливой. Будь счастлива в жизни! И будь рядом с нами, ну, может, не в одном доме, но хотя бы поблизости, чтобы мы могли тебя почаще видеть!

И Лея застегнула на шейке Аялы ожерелье, которое должно было передать дочке эстафету счастья. Отец с матерью вместе обняли Аялу и так они стояли с минуту, только слезы счастья блестели у всех троих на глазах.

После всех поздравлений и подарков отец подвел именинницу к ее почетному месту за столом и Аллан разлил вино в медные стаканы, украшенные резьбой. Для детей вино было налито в такие же стаканы, только совсем маленькие. Туда и вина-то мог поместиться всего один глоток. Но дети тоже участвовали в празднике Аялы.

Наконец, все присутствующие выпили за счастье именинницы, было много добрых и хороших слов. Яффа прослезилась, да и сам Хадас отвернувшись, тихонько вытирал глаза, делая вид, что в глаз ресничка попала...

На столе было много всякой вкусной еды. Много сладостей, фруктов... Все находились в расслабленном состоянии и праздник обещал быть приятным и продолжаться до темноты. Еще предстояли соревнования. Кто лучше всех из детей споет или станцует. Все дети готовились к этому празднику давно и мечтали получить подарок из рук именинницы Аялы...

Глава 10. Неужели такое возможно?!...

Ночь давно уже спустилась на усадьбу сэра Эндрю Аккинсона, во всех домах обитатели уснули. И только в кабинете Андреа всю ночь горела настольная лампа. Сам он сидел в глубоком кресле, погрузившись в него всем телом. Он сидел задумавшись, сцепив руки на груди... Взгляд его был рассеянным, смотрел он просто в одну точку, в угол кабинета, в котором вся стена была занята стеллажами с книгами. Он понимал, что должен был работать всю ночь, ведь утром встреча и заключение важных договоров с индонезийской компанией, представители которой уже находились в Лондоне около недели, и вот завтра заключительная часть работы, подписание договоров о долгосрочной совместной работе.

Документы лежат на столе, в то время как мысли Андреа совсем не в этом кабинете. Едва ли он хорошо понимал сам себя. Его мысли как будто раздваивались. Вот он-Андреа, русский парень, который волею судьбы оказался вдалеке от России, находился под усиленным контролем пиратов на неизвестном острове, где провел долгие шесть лет.

Не прошло бесследно такое долгое одиночество. Каждый из спасшихся моряков, оказавшийся в плену у пиратов, страдал так, что порой не хотелось ни с кем разговаривать. И люди молча работали, и в своем вагончике часто молча коротали время. Андреа пытался восстановить в памяти те видения, которые пришли к нему на острове пиратов. Вот именно в такой момент Андреа вдруг понял, что видит море, но не эти морские пейзажи мелькают перед его глазами. Совсем другие здания, в которых окна были затянуты какой-то полупрозрачной пленкой, это были не стекла.

Перед мысленным его взором проходили какие-то люди, полураздетые, стояла жара, каменистая дорога, уходящая в горку. На горе стояли домики, близко один к другому. И в голове почему-то мелькнула мысль:

– Вон наш магазин стоит на горке.

И тут же подумал, что сходит с ума... Какой магазин. Он истинный россиянин. А где в России могут ходить смуглые полуобнаженные мужчины... На его внутренний вопрос, где же это место, пришел ответ. Кто подсказал, Андреа не понял. Тем не менее, это был мужской голос, произнесший одну лишь фразу: Это Малая Азия, палестинские земли, рядом Сирия... Сегодня это территория Израиля.

В этот момент Андреа увидел, как к нему приближается женщина, немолодая, возраст ее мог быть чуть более пятидесяти лет. Она бежала к нему, улыбаясь, она протягивала к нему руки, желая обнять его. Андреа подумал, какая красивая женщина, ее глаза были наполнены светом любви. Такая улыбка от женщины может быть адресована либо любимому мужчине, либо сыну.

Вот она уже подбежала к нему, обняла его, прижалась к нему, потом отстранилась и сказала:

– Шалом, шалом, бен шели!

Андреа не знал ее языка, фраза была произнесена мягко, и он вспомнил, что слово «шалом» – это приветствие, пожелание мира на иврите. И он понял, что это, скорее всего, его мать. Женщина обратилась к нему по имени. Она называла его именем Аллан.

С этого момента почти все свое свободное от работы время на острове Андреа проводил внешне как в забытьи: его мысли были там, на земле Малой Азии, где, как он понял, жили иудеи. Он видел их жизнь, войну с крестоносцами, видел своего отца, которого мать называла Хадасом. Он был купцом. У них был небольшой магазин, в котором обслуживались все люди, проживающие в портовой части городка Акра.

Однако о своих видениях и мыслях он никому не рассказывал, даже своему другу – врачу Игорю Колонкину.

И надо же, вчера вечером, когда в беседке мирно сидела вся семья, он спросил у мамы, входила ли она в прошлые жизни через священное пространство сердца. Когда Варвара только сказала первые слова, вот тут его пронзили воспоминания и видения с острова пиратов. Он еще спросил маму, почему же Хадас не пришел его встретить вместе с мамой, и Варвара даже подпрыгнула от неожиданности, стало понятно, что не чужие они... Нет, не чужие! Их соединяют не только кровные узы, а еще более крепкая связь – еще одна совместно прожитая жизнь! И ведь Варвара уточнила время, когда это было, это был конец двенадцатого века! Ничего себе, воспоминания!

Сейчас, всю ночь просидев в кабинете, без сна, в нервном возбуждении, Андреа вспоминал рассказ мамы, и то, что он сам озвучивал, добавляя детали к ее рассказам. Оказывается, они там жили вполне счастливо. И он был там счастливым мужем и отцом четверых детей... С ним жили его родители.

Семья Андреа была в шоковом состоянии. Кроме его самого и мамы. Они и смеялись, и вытирали слезы. Сколько нового о своих близких узнал и Александр, и его жена Аечка. Сколько событий, о которых он даже и не вспомнил бы никогда, если бы мама не начала рассказывать о том, как она встречала своего любимого сыночка Алланчика из дальнего плавания, куда он уходил по купеческим делам.

Вдруг дверь кабинета тихонько отворилась, к нему заглянула Аечка.

– Любимый, ты всю ночь не спишь. Уже совсем рассвело, надо тебе хоть часик поспать. Ты же говорил, что день будет ответственный. Ты хоть документы подготовил?

– Нет, не успел. Я, моя дорогая жена, вспоминал свою жизнь, в которой у меня была другая жена. Очень красивая! Но ты не ревнуй, я тебя люблю очень сильно, точно так же, как любил ее, свою Лею. Правда, вы не очень похожи внешне. Зато красивы как богини! Везет же мне на красивых женщин!

И он привлек к себе свою жену, посадил ее к себе на колени в кресло, и сказал:

– Вот ты, Аечка, веришь в то, что вчера мы с мамой вспоминали? Могло ли в действительности такое случиться?! Девять веков назад... Какие-то войны... Пещеры, итальянец, который стал моим братом, а пришел на нашу землю как враг...

Моя мудрая мама Яффа, с которой мы слышали друг друга на расстоянии... И она теперь тут, в этой жизни...

Андреа покачал головой и, волнуясь, произнес: -Послушай, Аечка, а ты вспомни, о чем мы говорили в первый вечер, когда я их увидел в твоём доме, в беседке, после двадцатилетней разлуки. Я слышал мамины слова на острове, а она каким – то образом услышала мои слова про Ахметова.

Его жена была поражена, это действительно так и было! Сомнений нет. Века разлуки не искоренили их большой любви, любви матери и сына... Нет слов!...

Аечке захотелось тесно прижаться к мужу, она обняла его, прильнула к его груди, и эти минуты единения их душ могли заменить тысячи ласковых слов... Молчание любящих сердец заменяло все слова...

Они не знали, сколько времени прошло с момента, когда к нему в кабинет заглянула Аечка. Но когда они встали из кресла, в кабинет уже заглянул первый лучик солнца. Жена всполошилась:

– Вот теперь и маме не дадим поспать. Дети, наверное, там давно проснулись и требуют присутствия мамы с молочком на первый завтрак!

И они побежали в детскую. Там уже никто и не думал спать. Дедушка с бабушкой разобрали детей из кроваток. Варвара носила на руках Артурчика, а Александр успокаивал Уленьку.

Андреа пошел собираться на работу, а все взрослые всю любовь и нежность проливали на двух крошек, которые уже с рождения чувствовали, в какие добрые руки они пришли.

Убегая из дома, Андреа не забыл поцеловать своих крошек, Аечку. Маму он обнял и сказал:

– Яффочка, как хорошо, что ты меня родила снова! Как бы я без тебя жил!

И вдруг добавил, повернувшись к отцу:

– А ведь похоже, что Хадас – это ты! Манеры те же, доброта опять же повторяется...

Обнял отца, они с сыном похлопали друг друга по спине и Андреа поехал в офис.

За завтраком Аечка и Александр пытались забросать вопросами Варвару. Но она была так взволнована вчерашними воспоминаниями, что сказала им только следующее:

– Это так необычно, я сама переживаю, в нормальном ли я состоянии! Как бы не угодить с этими воспоминаниями в больницу для нервнобольных...

Глава 11. Вито – живой и невредимый!...

Праздник был в разгаре. Дети веселились сами и доставляли радость взрослым. Тут были и танцы, и сюрпризы. Дети очень любили копировать какие-то смешные случаи. Когда, например, кто-то капризничал, а его уговаривали старшие. Даже так, не специальными мерами, шло доброе воспитание детей.

Хаим с Кохавой устроили смешное шоу, в котором показывали, как Максим, когда ему было уже пять лет, пытался все время не идти рядом с мамой, а вскарабкаться на ее спину и так красиво так угнездиться и свысока остальным детям строить мордочки, типа, идите, идите, а я вот еду... И Лея сама это помнит. Теперь-то, конечно, Максим уже не просится на ручки к маме. Но еще недавно... А дети так смешно все изображали. Вот Максим просится на ручки к маме и уже вскарабкался ей на спину и держится крепко за ее шею. А мама устала, решила отдохнуть, наклонилась, чтобы присесть на камешек и сделала вид, что совсем обессилела и нести сына уже не может. Он, как истинный мужчина, тут же решил помочь и маме и предложил, что теперь он ее понесет. И вот это был самый забавный момент, как мама карабкалась сыну на плечи. Вся семья умирала со смеху. Вначале Максим вроде как обиделся на брата и сестру, но потом и сам громко смеялся, он-то хорошо это помнил, хотя было ему в тот момент всего пять лет. Вот с того момента он и перестал висеть на маминой шее. Понял, что маме действительно тяжело носить такого большого мальчика своей спинке.

Послышались какие – то крики с улицы и во двор вбежал Ицхак, пожилой мужчина, который уже много лет работал вместе с Хадасом в магазине, а теперь так же помогал и Аллану. Он был в крайней степени возбуждения.

– Аллан, к берегу подошло неизвестное судно. Однако надпись на борту «Яффа». Я тут же поспешил к тебе. Мы ведь никого не ждем. И другие купцы, я знаю, не ожидают. Но название судна?!

Ицхак растерянно развел руками, непонятная история...

– На начало войны непохоже, судно одиночное, да и название чисто иудейское!

Хадас с Алланом посмотрели друг на друга. Неужели Вито жив и вернулся? У Яффы округлились глаза и она пыталась уже встать и бежать в порт. Однако слово «бежать» было теперь к ней неприменимо. И Аллан сказал:

– Мама, будьте дома, у нас ведь праздник. Я побегу, жаль, мое выступление отменяется. Ну ничего! Вы повеселитесь и за меня тоже! Доченька, извини, я должен бежать в порт! Посмотрим, кого нам прислал Всевышний. Аллан поцеловал Аялу и Лею и быстро пошел вместе с Ицхаком в порт.

С пригорка хорошо была видна акватория моря и действительно, к берегу причаливало судно. Аллан пока еще не мог прочесть название, но Ицхак-то с берега уже прочел. Яффа! Такое название он дал тому судну, которое он купил и снарядил его для похода в Италию. У Аллана в голове выстраивались десятки версий... Но он решил сдерживать свои эмоции и буквально бегом бежал с горки в порт. Ицхак едва успевал за хозяином.

Погода стояла прекрасная, на море был полнейший штиль. Волны неспешно и важно накатывали голубой водой на прибрежный песок. Действительно, судно почти подошло к пирсу. На берегу начали собираться люди. Когда Аллан подошел к причалу, там уже собралось несколько десятков мужчин. Это не были праздные зеваки. Многие были с оружием в руках: расслабляться непозволительно, поэтому все внимательно всматривались в приближающееся судно.

Аллан теперь и сам, стоя на берегу, увидел на борту надпись на иврите «Яффа». Как его собственное судно! Но это было гораздо больше по водоизмещению. И вообще... Вопрос

за вопросом, а ответов-ни одного! Яркое солнце слепило глаза, да и от воды шли яркие блики, которые мешали хорошо рассмотреть человека, стоящего на носу судна.

Уже хорошо видно, как матросы карабкались по мачтам, опуская паруса. Гребцы сидели на веслах. Видно было даже как они веслами рассекали волны. Судно стремительно приближалось к берегу. Аллан все пытался рассмотреть человека, стоящего на носу судна. Он был одет во все черное. И этим особенно выделялся на фоне белых парусов и голубого неба. Это был мужчина, темноволосый, высокого роста. Он стоял, скрестив руки на груди. В позе мыслителя на высокой скале. На плечах его была накидка черного цвета. Что-то знакомое показалось Аллану в форме головы этого человека. Неужели Вито?! Сердце Аллана билось так взволнованно, что, казалось, все окружающие слышат его гулкой стук...

Судно тем временем уже подошло к берегу. Вот уже с судна бросили на берег канат и тут же его закрепили. Всё! Путешествие окончено!

Человек в черном был уже настолько близко к Аллану. Всего метров двадцать их разделяло. Человек повернулся к Аллану. Теперь сомневаться было бы уже смешно... Перед ним стоял Вито! Но каков герой! Он как будто еще подросток. Бородка делала его таким взрослым. Густая шапка кудрей выдавала в нем южанина. У северных народов редко бывает такая густая и красивая шевелюра...

Вито сосредоточенно рассматривал присутствующих в порту мужчин. Конечно, он искал Аллана. Наконец, взгляды их встретились. И Вито одним прыжком перемахнул через борт судна прямо на берег. Аллан кинулся к нему. Братья обнялись. Посмотрят друг на друга и снова крепко сжимают объятия. Смеются, хлопают друг друга по спине, не могут оторваться друг от друга...

Наконец Вито смог более – менее спокойно сказать:

– Брат, мы не виделись целых десять лет! Как я рад встрече!

Аллан никогда не считал себя излишне эмоциональным, а тем более плаксивым...

Но тут! Он не мог сдержаться. Аллан уткнулся в плечо Вито и у него из груди вырвался звук, похожий на короткое рыдание. И он снова обнял Вито, так они стояли еще пару минут. Эти минуты безмолвия помогли Аллану прийти в себя. Теперь он поднял глаза, влажные от слез радости и сказал:

– Брат, я никогда ни одной минуты не сомневался в тебе. Отец – тоже. А мама выплакала все слезы, которые ей на всю жизнь были даны. Десять лет она каждый день тебя ждала.

Видимо, в этот момент Аллану пришла в голову мысль, он повернулся к мужчинам, он искал Ицхака. Но тот стоял рядышком и волновался не меньше Аллана.

– Ицик, беги к нам домой и порадуй всех известием о прибытии Вито.

Ицхак моментально испарился, и уже через пять минут был рядом с домом Хадаса. Вбежав во двор, где все еще шло представление, дети радовали взрослых. Все смеялись. Ицхак дождался окончания номера, и только тогда вышел на середину двора и сказал торжественно:

– Теперь мой сюрприз! Я принес вам радостную весть: вернулся Вито на судне с названием «Яффа». Но это не то судно, на котором он ушел в море десять лет назад. Сегодня он прибыл на гораздо более крупном судне. Аллан просил вас ждать дома, не ходите в порт! У вас праздник, радуйтесь! А я снова побегу в порт, я могу понадобиться Аллану.

С этими словами Ицхак исчез. А что началось в доме Хадаса! Радостная весть, десять лет переживаний и слез окончились возвращением Вито. Что же ему довелось пережить в неизвестных местах, если он вернулся на гораздо большем судне. Значит, первое судно исчезло... Лея села рядом с родителями и начала успокаивать Яффу. У которой теперь лились слезы... Но это были уже слезы радости. Хадас не стеснялся своих чувств и тоже вытирал слезы, а сам пытался в этот момент еще и жену успокаивать.

А на берегу царил радость и оживление. Во-первых, мирное судно, не принесшее никаких проблем. А наоборот, еще и радость. Возвратился Вито, которого все уже считали погибшим. Мало того, экипаж судна состоял из местных жителей. Судно исчезло, исчезли и люди. Семьи оплакивали своих кормильцев. Десять лет отсутствия... Какие надежды оставались в сердцах близких? Кто-то уже смирился, а кто – то до сих пор с тоской и надеждой всматривался в далекий морской горизонт...

А что стало твориться на берегу, когда на берег сошла команда, половина из которых – это их друзья, братья или соседи, которых они не видели десять лет. И вот они – живые и невредимые! Правда, к сожалению, не все.

Но Вито громко обратился к команде, что предстоит выгрузка и все должны занять свои места. И попросил Аллана подготовить транспорт для доставки грузов в склады. Работа шла слаженно, каждому матросу хотелось стрелой нестись домой. Но весть о прибытии судна, которое считали потерянным навсегда, уже распространилась среди населения Акры. Надо представить, с какой скоростью неслись люди в порт. И через некоторое время там уже собралось не менее тысячи человек. Вперед пропускали тех, чьи близкие вернулись и чудом уцелели... Никто не знал, как они уцелели. Но – живы, живы!... И пока на судне занимались выгрузкой, бедные женщины и их повзрослевшие дети сгорали от нетерпения.

Наконец, все товары из трюма были перегружены на берег и уже на осликах перекочевывали в склады, где Ицхак встречал груз. Вито вел себя уверенно и спокойно отдавал команды. Несколько часов – и работы окончены. Наконец, команда имела возможность спуститься на берег.

Боже мой, что тут творилось! Толпа буквально расступилась. Дали возможность встретиться людям, не видевшими друг друга целых десять лет. Матросы вышли на берег, к ним кинулись их жены и дети. Слезы, крики радости, объятия... Все плакали. Здесь были не только слезы радости, но и слезы горя. Ведь добрая половина экипажа погибла, поскольку их не было среди живых. Слезы, слезы... Насколько хрупка человеческая жизнь. А войны и жестокость по отношению к себе подобным укорачивают и без того короткий человеческий век...

Вито объявил экипажу, что произведет выплаты денег, это будет сделано в его каюте на судне. И матросы один за одним начали входить в каюту Вито. Выходили все довольные и вполне счастливые. Вито никого не обидел. Люди благодарили Вито и некоторые в окружении счастливого семейства уходили домой. А остальные члены экипажа пошли в ту часть Акры, где находились небольшие гостиницы для приезжающих.

Вито, закончив выплаты, пригласил Аллана на судно, чтобы познакомить его со своими друзьями. Они вошли в каюту капитана. Навстречу им поднялся молодой человек, смуглый, красивый. Его облик был полон достоинства. Он держался так, как подобает капитану судна «Яффа»!

Вито представил:

– Аллан, брат мой! Я с гордостью в душе хочу представить тебе своего друга Хосе Луиса, которого я знаю уже восемь лет. Мы с ним прошли много испытаний и доверяем друг другу. Он-капитан судна «Яффа».

Знакомство скрепило крепкое рукопожатие. Мужественный парень понравился Аллану. В конце концов, не доверять Вито не было оснований, с этим парнем Вито знаком уже восемь лет. Наверняка, было время проверить его преданность.

Аллан с теплотой в голосе произнес:

– Я очень рад знакомству с другом Вито! Для меня ты теперь тоже не чужой человек. И я приглашаю тебя к себе в дом. Кстати, у нас очень большой и важный праздник.

– Какой праздник, брат? – спросил Вито.

– Аяла празднует совершеннолетие, ей сегодня семнадцать лет!

– Что?! Аяла – и семнадцать?! Не может быть! Вот сколько лет я отсутствовал дома! Я ушел в море, она была совсем малышкой. А сегодня-невеста! Да еще, наверное, и красавица в маму?!

– Да! Красавица! Выросла незаметно... Не хочу с ней расставаться. А того и гляди, уведет из дома какой-нибудь красавчик! Ведь любовь приходит всегда неожиданно! Ну, да ладно! Пойдемте теперь домой!

Вито жестом остановил Аллана.- Подожди, брат! У меня здесь еще один верный друг – Микеле. Он уже бывал в Акре, но только ты с ним не знаком был раньше. Он был на судне «Яффа» помощником капитана. И теперь исполняет те же обязанности.

Ну, я тебе потом все расскажу. Знаю, что у тебя готовы уже тысячи вопросов. А вот и Микеле! Он – помощник капитана. И сейчас подготавливал судно к стоянке на пирсе. Назначил охрану, дежурство. Вот теперь я вас познакомлю и мы можем покинуть судно и отправиться в наш дом. Аллан, брат мой, как я соскучился по всем родным! Особенно по маме Яффе!

В этот момент на палубу вышел Микеле. Он улыбался Аллану открытой дружеской улыбкой, как будто они были знакомы всю жизнь. Как будто он прочел мысли, потому что, пожимая руку Аллана, сказал следующее

– Да, у меня такое чувство, что я знаю тебя всю жизнь! Вито мне много рассказывал о тебе и о вашей семье. Вот видишь, я ведь с тобой на иврите говорю. Это меня научил Вито. Он любит вас так сильно, что слушая его рассказы, вы и мне стали родными людьми.

Микеле был среднего роста, ниже Аллана и Вито. Его облик был какой-то мальчишеский. Хотя взгляд выдавал взрослого мужчину, много испытавшего в жизни. А подвижность и быстрота реакции – как у подростка. У него не было степенности как у Хосе Луиса.

Вито в сопровождении Хосе Луиса и Микеле обошли судно, проверили дежурных, и теперь могли спокойно спуститься на берег и отправиться в гости к Аллану.

Вито просто не мог идти спокойно и сказал Аллану:

– Брат, ты не обижайся, я не могу идти спокойным шагом. Мои ноги мне не подчиняются. Они летят сами. Я побегу. Я не могу дождаться, когда, наконец, увижу маму Яффу. Господи, знал бы ты, как я скучал по ней, как я счастлив, что попал в ваш дом!

Свои последние слова Вито проговорил уже на ходу. Он действительно не мог идти спокойно. В гору он поднимался бегом и так быстро, что в момент исчез из глаз. Аллан засмеялся и сказал своим гостям:

– Если бы мама смогла бегать так же быстро, она бы уже была на пирсе и ждала бы Вито там!...

Все трое рассмеялись. А Вито тем временем уже вбежал во двор дома Хадаса.

Просторный двор был заполнен людьми. Под оливой стояли столы, сидели взрослые, а дети бегали во дворе и веселили взрослых. Вито знал здесь практически всех. Во главе стола сидели Хадас и Яффа. Вокруг располагались их три взрослые дочери, их мужья и дети, тут же были родители Леи. Но вот остальных членов семьи узнать было трудно.

Когда Вито уходил в море, Аяла была шестилетней девочкой, а Хаиму вообще было годика два или три. А тут герои новые: близнецы... Вито понял, что эти малыши родились, когда он мыкал горе на своей родной Сардинии.

Яффа первой увидела Вито. Она вскочила из-за стола и крикнула:

– Вито! Сыночек!

Ее сыночек поспешил прямо к ней. Обогнув круг, где резвились дети, он бегом побежал к Яффе. Она протянула навстречу ему руки, а слезы уже сдержать было выше ее сил. Она плакала и смеялась одновременно. Вито бросился к ней в объятия, она гладила его лицо, по которому тоже текли слезы. Вито что-то говорил ей и на иврите, и на итальянском, но она

понимала все до единого слова. Это были слова любви и благодарности маме за то, что вырвала его из смерти. Спасла. Стала его второй мамой.

Вито встал на колени, взял Яффу за руки и целуя ее ладони, говорил и говорил ей слова благодарности. А потом, вспомнив, поднялся с колен, достал из кармана тряпочку, развернул ее и достал колечко. Оно было серебряное и с бирюзовыми камешками в виде сердечка. Мелкие камешки бирюзы вставлены в серебряное сердце. Обычное кольцо. Не драгоценное даже. Но ей привез сынок Вито. И он взял руку Яффы и надел ей на пальчик. Причем, именно на тот, с которого она сегодня сняла свое колечко и подарила его внучке. Очевидно, не исчез еще след на пальчике от многолетнего ношения кольца-подарка матери Хадаса.

Вито склонил голову перед Яффой в знак благодарности и сказал:

– Мама Яффа! Это колечко передала тебе в подарок моя мама Лючия из Италии. И еще она сказала, что рада тому, что у ее сына есть две матери. Она очень благодарила всех вас: Аллана, Хадаса и тебя за то, что спасли мою жизнь, хотя я как завоеватель, заслуживал смерти на чужой земле.

В это время к нему подошел Хадас. Вито видел, как заметно постарели его вторые родители. Мужчины обнялись. И тоже – слезы... А как же можно сдержать слезы, если десять лет ни весточки, неизвестность томит и отнимает годы жизни. Ну, вот и Лея! Хороша как и раньше! А какую дочку вырастили с Алланом! Вот она, красавица Аяла! Действительно, девушка выросла настолько красивой, что Вито точно бы влюбился, если бы его не ждала в Италии жена...

А тут во двор вошли Аллан с Хосе Луисом и Микеле. Вито представил своих друзей хозяевам дома. Лея тут же пригласила гостей за стол и на столе появились всевозможные угощения. Гостям налили красного виноградного вина, которым славилась иудейская земля. Не надо думать, что девять веков назад не умели говорить красивые слова или не умели быть благодарными. Все эти вещи люди умеют делать во все века. Поэтому первый тост гость Хосе Луис сказал в адрес Хадаса и Яффы, у которых такая прекрасная и большая семья. Потом в адрес Аллана и Леи, которые вырастили прекрасных детей, а третий и самый красивый тост был произнесен в честь именинницы Аялы, которая сегодня празднует самый красивый праздник в своей жизни. Почему самый красивый? Потому что он первый! Потом в жизни будут другие праздники, но первый она не забудет никогда! В заключение Хосе Луис сказал, глядя в прекрасные карие глаза Аялы, что он желает ей иметь всю жизнь, состоящую из праздника, который никогда не кончается...

Аяла вдруг зарделась, ее щечки загорелись ярче ее розового платица. Ее маленький бокал с глотком вина задрожал в ее тонких пальчиках. В глазах блеснула слезинка, похожая на хрустальную капельку.

Лея метнула быстрый взгляд на Хосе Луиса. Так и есть! Его взгляд был исполнен такой нежности, что как могла еще прореагировать невинная маленькая Аяла. Она ведь еще не знала чувства любви... Что из этого взгляда может разгореться, она знала по своей жизни. В ее жизни первый взгляд Аллана родил такую любовь, которая не погасла и сегодня. А они в браке почти двадцать лет! И Лея обеспокоенно глянула на Аллана. Он тоже все понял и у них одновременно в сердце мелькнула ужасная мысль, как бы этот гость не отобрал у них дочку. Ведь он чужестранец и не останется жить здесь... Всевышний, спаси и защити нашу дочку от чужестранца из далекой Испании. Он сам сказал, что прибыл из Испании и что там живут его родители...

Хосе Луис овладел собой. Взгляд его сделался милым и добрым, дружелюбным и даже просто дружеским. Больше он не проявлял такой нежности во взгляде и был очень осторожным в словах.

Ужин закончился около полуночи. Все гости уже покинули гостеприимный дом Хадаса, родители Леи и все три дочери тоже в сумерках ушли домой, жили они неподалеку

от родительского дома, и в доме остались только гости с прибывшего судна. Дети давно спали. Проводила мама Лея и свою дочку Аялу в ее комнатку. Они еще поговорили, Лея пожелала девочке спокойной ночи и ушла. Аяла тут же встала с кровати, поднялась на крышу дома, где у нее был оборудован очень уютный уголок. Туда, на крышу дотянулись ветви винограда. И там стояла лавочка и маленький столик. Там и любила девушка сидеть вечерами, глядя на синее море, любуясь закатами, которые непременно каждый день отличались друг от друга поразительной красоты пейзажами. Облака напоминали горы, которых она никогда не видела. Сейчас ее душа просила уединения на природе. Она смотрела на звезды, а видела перед собой манящие глаза Хосе Луиса...

Она сама испугалась нахлынувшего на нее нового чувства. Ей хотелось плакать, но и улыбаться хотелось. И видеть рядом Хосе Луиса хотелось не меньше. Однако слезки все-таки капали на грудь. Лея, она ведь мать, почувствовала страдания дочки и пошла к ней в комнату. Комнатка была пуста. Тогда девочка могла быть только на крыше. Тут она и нашла свою ненаглядную и уже заплаканную девочку.

Она встала на колени перед дочкой, посмотрела снизу в ее глаза и спросила тихонько:

– Детка моя, ты плачешь потому, что влюбилась в испанца?

– Мамочка, я не знаю, что такое любовь. Я никого не любила. Но сегодня что-то случилось со мной. Это новое чувство. Я хочу и смеяться, и плакать... Мама, он так смотрел на меня, что я едва не потеряла равновесие, я чуть не упала.

Очевидно, Аяла представила, как она бы упала за столом с бокалом вина в руке, что ей самой стало смешно и она засмеялась... А потом спросила мать:

– А ты плакала когда-нибудь из-за папы?

Лея вспомнила свои бурные слезы и тоже засмеялась:

– Еще как плакала! А потом пришел папа и успокоил меня. С того момента мы решили никогда не расставаться и быть вместе. И мы счастливы!

Аяла вдруг представила, что Хосе Луис возвратится в Испанию... А что же она будет без него делать? Как жить? И она снова заплакала. Лея тут же провела аналогию их беседы и поняла причину слез. Она не знала, чем успокоить свою только начавшую взрослеть дочку. И сказала лишь несколько слов:

– Доченька, такие горячие взгляды от мужчин ты будешь видеть каждый день. Не забывай, ты выросла не только красивой, но и умной. А такие девушки нравятся мужчинам. Хосе Луис тоже любовался тобой. Но ведь ты его совсем не знаешь. Может, смотрит он ласково, а в душе нет доброты. Все может случиться. Никогда нельзя совершать серьезные поступки, нельзя доверять свою жизнь человеку, которого ты совершенно не знаешь и видела всего два часа в своей жизни. Но самое ужасное, что он же должен будет вернуться в Испанию. Возрази мне, дочка, если я не права!

Аяла задумалась, слезки высохли на ее глазах и она ответила матери:

– Нет, мамочка, я не буду возражать тебе. Ты во всем права. Я постараюсь справиться со своими чувствами.

Они еще немного посидели на крыше и пошли спать. Хосе Луис и Микеле спали в той комнате, где когда-то выздоравливал Вито. Да, мужчины спали. А в ее спальне кровать была пуста. Аллана не было. Значит, с Вито наговориться не могут. Вышла во двор и увидела сидящих за столом Вито, Аллана и Хадаса. Мужчины были так увлечены разговором, что даже не заметили, как к ним подошла Лея. Она подошла сзади, прикоснулась к плечам Аллана, обняла его и тихонько спросила:

– Мне тебя подождать? Или вы будете сидеть до рассвета?

Аллан поднялся из-за стола, обнял Лею, довел ее до их супружеской спальни, поцеловал и сказал:

– Скорее всего, до рассвета. Пойдем, я провожу тебя в спальню. Ты спи, родная! Такие ночные разговоры бывают не каждый день. Вито пережил столько горя в этом плавании... Ну, спи. А я пойду к мужчинам.

Глава 12. Приключения Вито

Действительно, мужчинам и ночи было бы мало, чтобы выслушать то, что случилось с Вито за прошедшие долгих десять лет.

К полуночи все семейство кое-как уgomонилось. Радость встречи постепенно перешла в более спокойное русло. Гостей тоже отправили спать. И, как водилось в доме Хадаса во все время существования его семьи, все мужские дела обсуждались во дворе под оливой. Так что по привычке мужчины семьи Хадаса спокойно вышли во двор и расположились за столом под оливой. Яффа поставила на стол кувшин с чаем, который она сама любила готовить из заготовленных лечебных трав. В зимние месяцы, когда травы наливались влагой и хорошо вырастали на каменистой почве, вот тут и надо было делать заготовки. Не принято среди иудеев распивать вино без причины. Был праздник, достали вино. В другие дни – другие напитки. Такой закон. Трезвая голова – путь к успешным делам.

Хадас произнес первые слова:

– Ну, сынок, рассказывай всё, буквально с момента выхода в море. Сколько же тебе пришлось всего пережить, если ты смог вернуться домой только через десять лет! Но скажу тебе, родной, что наша семья тебя ждала. Яффа убеждала нас, что чувствует тебя живым и здоровым. А это было главным. И мы ни минуты не сомневались в том, что ты наш, родной и не сделаешь ничего плохого. И ты вернулся. Это счастье для всей нашей семьи, сынок! А теперь – рассказывай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.